РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ.

1865

СЕНТЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА. (Эпизодъ изъ исторіи русскаго раскола.) **И. С. Тихонравова.**

II. ЗАМѢТКИ О КИТАѢ. **Д. Н. Геце.**

III. ТОРВАЛЬДСЕНЪ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ. Гл. XIII—XVI. **А. М. Матушинскаго.**

IV. ПЕРВАЯ ПѢСНЬ ЧИСТИЛИЩА ДАНТА АЛИГІЕРИ. (Стихотвореніе.) **Д. Е. Мина.**

V. ВОСПОМИНАНІЯ **Ф. Ф. Вигеля.** Часть шестая. Гл. VIII—X.

VI. ПАУТИНА. (Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.) **П. А. Мана.**

VII. НОВѢЙШІЕ УСПѢХИ ЕСТЕСТВОВѢДѢНІЯ. Рѣчь профессора Филиппса.

VIII. АРМАДЕЛЬ. Романъ Вильки Коллинза. Книга четвертая. Гл. V—VII.

IX. СТИХОТВОРЕНІЕ. **Всеволода С.**

X. ЛОРДЪ ПАЛЬМЕРСТОНЪ. (Біографическій очеркъ, по *Times*.)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

НАШЪ ОБЩІЙ ДРУГЪ. Романъ, въ четырехъ частяхъ, Чарльза Диккенса. Часть вторая. Книга третья. Гл. XIV—XVII.

БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО РАСКОЛА. *

Во второй половинѣ XVI вѣка стало ясно сказываться раздвоеніе въ русскомъ обществѣ. Строй старой русской жизни, во многомъ обусловленный вліяніемъ Византіи, началъ замѣтно колебаться: „многіе обычаи поистатались.“ Съ паденіемъ Константинополя, подпавшаго власти невѣрныхъ, связи Россіи съ Греками ослабѣли; въ глазахъ русскихъ людей хранительницей древняго православія была теперь не Византія, а Москва, названная „третьимъ Римомъ.“ Но въ этой Москвѣ, на которую наши предки, въ своихъ патріотическихъ надеждахъ, возлагали великую обязанность соблюсти православіе во всей его чистотѣ,—въ этой Москвѣ обнаруживались

* *Примѣчаніе автора.* Предлагаемый разказъ составленъ преимущественно на основаніи статьи, находящейся въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ моей библіотеки и имѣющей заглавіе: *Мѣсяца ноября во 2-й день. Сказаніе отчасти о доблести и мужествѣ, изящно свидѣтельство о терпѣливо-душевнымъ страданіи новоявленныя преподобно-великомученицы боярыни Ѳеодосіи Прокопьевны, нареченныя во иноческихъ Ѳеодоры, по тезоименитству земныя славы Морозовы, и сестры ея единородныя и сострадальницы благовѣрныя княгини Евдокіи и третія союзницы ихъ Маріи. Имать же повѣсть сія повѣданіе вкратцѣ.* Это сказаніе находится и въ одной изъ рукописей, принадлежащихъ графу А. С. Уварову. Строевъ замѣтилъ о ней: „Сочиненіе современника.“ (*Рукописи славянскія и россійскія, принадлежащія Царскому.* М. 1848, стр. 594, № 474). Изъ самаго *Сказанія* можно видѣть, что оно пи-

въ XVI вѣкѣ явленія, въ которыхъ живо чувствовалось вліяніе запада. Ослабѣло вліяніе Византіи съ его монашескими идеалами, съ его замкнутою въ богословскую сферу наукой и литературой; въ жизни, литературѣ и искусствѣ русскомъ почувствовалось болѣе свободы и движенія; съ потрясеніемъ и разложеніемъ древней русской жизни, церковный элементъ началъ терять то преобладающее значеніе, которое онъ прежде имѣлъ на Руси; русская народность замѣтно подчинялась латинскому западу. Великъ былъ соблазнъ для многихъ свидѣтелей этого переворота въ исторической жизни русскаго народа. У многихъ возникалъ вопросъ: въ какой степени дозволительны знаніе и свободная дѣятельность ума, и не вредятъ ли они истинной вѣрѣ и благочестію? Въ большинствѣ народа жило убѣжденіе, что „каждая страна имѣетъ свою отчину и свой законъ, и не переходятъ они отъ одной страны къ другой.“ Въ новизнахъ XVI вѣка приверженцы старины видѣли законъ чуждый русскому народу, посягавшій на его святую отчину и старину. Вопросъ религіозный неразрывно связывался въ ихъ глазахъ съ вопросомъ о національной самостоятельности. Защитники „старой вѣры,“ а вмѣстѣ съ нею и узко-понятой народности, отшатнулись отъ новаго движенія, обнимавшаго русскую жизнь и образованность въ половинѣ XVI вѣка. Они ухватились за выработанную до того времени русскую старину и старались соблюсти ее безъ всякой порухи.

Вотъ чего хотѣли такъ-называемые старовѣры-раскольники; вотъ то начало, которое двигало ими и привело въ XVII вѣкѣ старое и новое направленіе къ горячей, кровавой борьбѣ. При дворѣ Алексѣя Михайловича представителями новаго западнаго направленія являются выходцы изъ Бѣлоруссіи и

сано однимъ изъ вліятельныхъ старовѣровъ, близко знавшимъ Морозову и Меланію и хорошо знакомымъ съ положеніемъ дѣлъ въ Москвѣ и при дворѣ. Такъ, въ *Сказаніи* читаемъ, что Морозова, приглашая Меланію посѣтить ее въ мѣстѣ своего послѣдняго заточенія, „молитъ же взяти ее съ собою *и большаго брата*, и поспѣши Богъ *и яхомся пути*. Много же бѣ запинанія, понеже слышахъ, яко въ тѣхъ днехъ мысль бѣ у царя, еже пославъ допросити накрѣпко и, аще не покорятся, указъ учинить; но обаче *насъ* сохранилъ Богъ. Въ день недѣльный въ третій часъ нощи *пріидохомъ* въ темницу, и *бысть намъ* обще съ ними радость неизглаголанная.“ Какъ сочиненіе очевидца, близко знавшаго тайны старовѣрства, *Сказаніе* представляетъ намъ любопытныя черты современнаго разказу быта, хотя оно далеко не чуждо идеализаціи личностей, о которыхъ повѣствуетъ.

южной Россіи, люди латино-польскаго образованія. Эти „иностранные иноки," не приносившіе въ Московское государство уваженія къ преданіямъ и старинѣ русскаго народа, гордые своимъ образованіемъ, для защитниковъ православной русской старины — не болѣе какъ еретики. Приверженцы старины хвастаются передъ ними своимъ невѣжествомъ, своею готовностію подчинить знаніе вѣрѣ. Артамонъ Матвѣевъ приходитъ къ старовѣру Аввакуму съ „философомъ" Симеономъ Полоцкимъ; „стязаніе между ними было сильное: разошлися яко пьяни." Полоцкій говорилъ объ Аввакумѣ: „Острота тѣлеснаго ума, *а сѣ не умѣетъ науки.*" Аввакумъ въ свою очередь сказалъ Матвѣеву: „Ты ищешь въ словопрѣніи высокой науки, а я прошу у Христа моего поклонами и слезами, и мнѣ съ вами кое общеніе? яко свѣту со тьмою или Христу съ Веліаромъ!" И Матвѣевъ сквозь зубы молвилъ: „Намъ-де съ тобою не сообщно." *

XVII вѣкъ былъ временемъ самаго рѣшительнаго и мощнаго развитія старовѣрства. Борьба враждебныхъ направленій раздѣляла дворъ, общество, семейство. Ожесточенныя, оттолкнувшіяся отъ общества и семьи сердца тѣмъ способнѣе дѣлались къ жаркой пропагандѣ идей о гибели святой старины русскаго народа. Старовѣрство никогда не выставляло такихъ сильныхъ характеровъ, такихъ горячихъ словомъ и дѣломъ борцовъ, какъ въ XVII вѣкѣ. Съ одною изъ такихъ личностей имѣетъ въ виду познакомить читателя предлагаемая статья.

Дочь боярина Прокопія Соковнина и жены его Анисьи, Ѳедосья Прокофьевна, семнадцати лѣтъ выдана была замужъ за Глѣба Ивановича Морозова, роднаго брата знаменитаго Бориса Морозова. Между всѣми боярами того времени не было человѣка, къ которому царь былъ бы такъ привязанъ какъ къ своему воспитателю, Борису Морозову; для Алексѣя Михайловича онъ былъ не только „пріятелемъ," но и „вмѣсто отца роднаго." ** Борисъ не даромъ пользовался глубокою, сыновнею любовію „тишайшаго" государя: „сему царю былъ дядька, и пѣстунъ, и кормилецъ, болѣлъ объ немъ и скорбѣлъ паче души своей, день и ночь, не имѣя покоя." *** Борисъ не

---

* *Лѣтописи русской литературы и древности*, томъ V, отд. III, стр. 116.

** Дополненія къ актамъ историческимъ, № 25.

*** Изъ письма протопопа Аввакума. См. Приложенія.

принадлежалъ къ числу тѣхъ бояръ, которыхъ успѣло тронуть западное образованіе; онъ могъ похвастаться только природнымъ твердымъ умомъ. Онъ любилъ свою сноху; самъ встрѣчалъ Ѳедосью Прокопьевну, когда она приходила къ нему въ домъ, и много часовъ бесѣдовалъ съ нею „духовныя словеса," къ которымъ, какъ видно, любила обращаться молодая боярыня. Недолго прожила Морозова въ замужствѣ. Глѣбъ Ивановичъ умеръ, оставивъ на рукахъ ея сына, Ивана. Боярыня была въ большой чести при дворѣ. „на верху," близь царицы: „дома прислуживало ей человѣкъ съ триста; крестьянъ было 8.000; имѣнія въ дому было тысячъ на сто-пятьдесятъ или на двѣсти, друговъ и сродниковъ множество-много; ѣздила она въ дорогой каретѣ, устроенной мозаикою и серебромъ, въ шесть или двѣнадцать лошадей, съ гремячими цѣпьми; за нею шло слугъ, рабовъ и рабынь человѣкъ сто, иногда двѣсти или триста, оберегая ея честь и здоровье. И знаменита была вдова въ Москвѣ." * Но обрядно-пышная обстановка древняго русскаго боярства мало занимала Морозову. Она и прежде любила обращаться мыслію къ религіознымъ предметамъ. Теперь, овдовѣвъ, въ пору грустнаго одиночества, она, быть-можетъ, еще съ большею силой отдавалась благочестивымъ размышленіямъ и незамѣтно отстранялась отъ шума мірской и придворной суеты. Знакомство и сближеніе съ даровитѣйшимъ представителемъ старовѣрства въ XVII вѣкѣ окончательно опредѣлили судьбу Морозовой. Возвратившись въ 1664 году изъ сибирской ссылки въ Москву, Аввакумъ „не выходя жилъ во дворѣ у свѣта своей Ѳедосьи Прокопьевны:" ** она была его духовною дочерью. Энергическое слово этого попа-демократа могущественно подѣйствовало на сосредоточенную въ себѣ боярыню. Увѣдавши отъ Аввакума „о православіи, о развращеніяхъ," внесенныхъ въ русскую церковь Никономъ патріархомъ, Морозова „зѣло о томъ возревновала" и со всѣмъ жаромъ сильной природы заговорила, что „крестъ на просвирахъ во всей Россіи потребили."

По повелѣнію царя присланъ былъ увѣщевать Морозову чудовскій архимандритъ Іоакимъ съ ключаремъ Петромъ; боярыня осталась вѣрна проповѣди наставника своего Авва-

---

* Тамъ же. Ср. Аввакума, *На крестоборную ересь.*

** *Житіе протопопа Аввакума*, мною изданное, стр. 71.

кума. У ней отняли вотчины. Но у Морозовой была при дворѣ сильная заступница, супруга Алексѣя Михайловича, царица Марья Ильинишна, родная сестра которой была замужемъ за Борисомъ Морозовымъ. Царица была „зѣло милостива“ къ Ѳедосьѣ Прокопьевнѣ, и „упрошеніемъ ея “Морозова „по семъ искушеніи получила малую ослабу.“

Иначе потекла теперь жизнь вдовы. Отъ двора она инстинктивно начинала отдаляться, замыкаясь въ тѣсномъ кружкѣ немногихъ единомышленныхъ женщинъ. Лишеніе вотчинъ. („временное искушеніе,“ по выраженію *Житія*,) еще болѣе укрѣпило боярыню въ мысли искать спасенія отъ скверны настоящаго на томъ пути, на который подвигла ее суровая, аскетическая проповѣдь Аввакума. Послѣ „правила и чтенія книжнаго,“ Морозова, вѣрная патріархальнымъ установленіямъ старины, по свидѣтельству Аввакума, „творила судъ домочадцамъ, разбирала деревенскія крестьянскія нужды часу до девятаго и больше, иныхъ жезломъ наказуя, а иныхъ любовію и милостію на дѣло Господне побуждая. Не разъ садилась она за прялку, шила изъ выпряденнаго суровья рубахи, и вечеромъ, одѣвшись въ рубище, ходила по московскимъ улицамъ съ домочадицею своею, Анною Аммосовною, раздавая тѣ рубахи нищимъ. Тайно бродила съ нею Морозова по темницамъ и по богадѣльнямъ, разнося милостыню отъ своего дома, платье и деньги; иному давала рубль, иному десять, а индѣ пятьдесятъ рублевъ и мѣтокъ сотной.“ * Много раздала она имѣнія нищимъ, многихъ скупила съ правежу. У себя въ домѣ Морозова окружена была этими оригинальными порожденіями древне-русской жизни, мало объясненными и недовольно оцѣненными нашими изслѣдователями, которыя извѣстны подъ именемъ *юродивыхъ*. Сильно и вліятельно было въ народѣ отрывистое слово этихъ бездомныхъ, Христа ради, скитальцевъ, то облеченное юморомъ, то проникнутое грустью, то пророчески-темное. И въ XVII вѣкѣ, когда большинству видѣлись въ нововведеніяхъ знаменія скораго пришествія антихриста, когда отъ скверны настоящаго спасались или строгимъ отшельничествомъ въ горахъ и вертепахъ, или „оземствованіемъ,“ или добровольнымъ самосожиганіемъ, когда находили послѣдователей секты всякаго рода морельщиковъ,—въ XVII вѣкѣ болѣе чѣмъ когда-

* Въ этомъ свидѣтельствѣ Аввакума нельзя не замѣтить преувеличенія розданныхъ суммъ.

либо долженъ былъ получить особенную популярность типъ юродиваго, совмѣстившій въ себѣ и подвижничество монаха, и бездомное скитальчество, и беззавѣтную преданность тому что̀ чтилось народомъ. Юродивые разносили идеи старовѣрства по всему лицу Русской земли.

Въ домѣ Морозовой жили два знаменитыхъ въ исторіи раскола юродивыхъ, Ѳеодоръ и Кипріанъ. Подвижничеству Ѳеодора дивился даже такой желѣзный человѣкъ какъ Аввакумъ. „Зѣло у Ѳеодора того крѣпокъ подвигъ былъ; въ день юродствуетъ, а ночь всю на молитвѣ со слезами; много добрыхъ людей знаю, а не видалъ подвижника... Много часъ, другой полежитъ, да и встанетъ, тысячу поклоновъ отбросаетъ, да сядетъ на полу; а иное стоя часа съ три плачетъ. На Устюгѣ пять лѣтъ безпрестанно мерзъ на морозѣ босъ, въ одной рубашкѣ.... Не на баснѣхъ проходилъ подвигъ.“ Аввакумъ встрѣтилъ Ѳеодора въ Устюгѣ, возвращаясь изъ Сибири. „Псалтырь у него тогда была новыхъ печатей въ кельѣ, маленько еще зналъ о новизнахъ.“ Аввакумъ разказалъ ему про новыя книги. „Онъ же, схвативъ книгу, тотчасъ въ печь кинулъ, да и проклялъ всю новизну: зѣло у него во Христа вѣра горяча была.“ * Съ тѣхъ поръ Ѳеодоръ сдѣлался духовнымъ сыномъ Аввакума и, можетъ-быть, вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Москву и черезъ него вошелъ въ домъ Морозовой. Не молчалъ Ѳеодоръ въ Москвѣ: „ревнивъ гораздо былъ и зѣло о дѣлѣ Божіи болѣзненъ: всяко тщится разорити и обличити неправду.“ ** Аввакумъ поддерживалъ связи Морозовой съ этимъ юродивымъ. Лишь въ послѣдствіи, когда протопопъ сидѣлъ въ пустозерскомъ острогѣ, стало „нелюбіе“ между боярыней и юродивымъ Ѳеодоромъ. Аввакумъ пишетъ ей изъ острога: „Поминаешь ли Ѳеодора? Не сердитуешь ли на него? Поминай Бога для, не сердитуй; онъ *не больно* предъ вами виноватъ былъ. Обо всемъ мнѣ предъ смертію покойникъ писалъ: „Стала-де ты скупа быть, не стала милостыни творить, и „имъ на дорогу ничего не дала.“ И съ Москвы отъ твоей изгони съѣхалъ и кое-что сказывалъ. Да уже Богъ васъ проститъ, нечево старова поминать. Меня не слушала, какъ говорилъ, а послѣ пѣняешь мнѣ. Да что̀ на тебя дивить? У бабы волосы долги, а умъ коротокъ. Прости же меня, а тебя

* *Житіе протопопа Аввакума*, стр. 81, 82.

** Тамъ же, стр. 83.

Богъ проститъ во всемъ." Въ такихъ выраженіяхъ заступался за Ѳеодора опальный протопопъ передъ родственницей царицы.

Юродивый Кипріанъ извѣстенъ былъ самому царю; онъ былъ ласково принятъ не въ одномъ боярскомъ семействѣ. Этотъ человѣкъ „конечнаго безстрастія" открыто оплакивалъ паденіе старой вѣры. Говорятъ, онъ часто бѣгалъ за царскою колесницей и молилъ Алексѣя Михайловича возстановить древнее благочестіе. „Добро бы, самодержавный царь, вопилъ Кипріанъ, на древнее благочестіе вступити!" Смѣло превозносилъ Кипріанъ на городскихъ улицахъ и площадяхъ „доброту древняго благочестія," обличая въ то же время „новины," введенныя Никономъ патріархомъ. Заточеніе въ одномъ изъ монастырей, а потомъ ссылка въ пустозерскій острогъ не заставили Кипріана молчать. Смѣлыя рѣчи юродиваго замолкли только тогда, когда онъ казненъ былъ въ пустозерскомъ острогѣ по царскому указу.

Пустынники, нищіе, прокаженные, юродивые,* бѣглыя иноки составили любимое, постоянное общество Морозовой; „она служила имъ своими руками, омывала гнойныя ихъ язвы, кормила изъ своихъ рукъ; нищимъ и сиротамъ невозбранно было витать въ ея ложницахъ, и она ѣла съ ними изъ одного сосуда." ** Домъ боярыни превратился въ монастырскую богадѣльню; Морозова надѣла на себя власяницу, къ истинной скорби снохи своей, Анны Ильиничны, которая случайно замѣтила это. Бывая „вверху," у царицы, или навѣщая сестру, Морозова „никогда не забывала церковнаго и келейнаго правила;" если принимала участіе въ бесѣдахъ съ Никоніанцами, то для того чтобъ обличать ихъ. *** Аввакумъ поддерживалъ аскетическое настроеніе Морозовой. „Свѣтъ моя, государыня! „пишетъ онъ ей изъ ссылки," люблю я правило ночное и старое пѣніе. А буде облѣнишься на ночное правило, въ тотъ день *окаянной плоти* и ѣсть не давай: не игрушка душа; что плотскимъ покоемъ ее подавлять? Да переставай ты и медокъ

---

* Въ *Сказаніи*: „Пустынникомъ многимъ потребными удовлеваше, прокаженныхъ въ дому своемъ упокоеваше."

** См. Приложенія.

*** Въ *Сказаніи*: „Сія ревнительница, вездѣ будучи и въ дому своемъ при гостѣхъ, и сама гдѣ на бесѣдѣ, несумнѣнно потязаше ихъ (Никоніанъ и *римскихъ* іеромонаховъ) прелесть и при множествѣ слышащихъ поношаше ихъ б.... о и заблужденіе."

попивать; намъ иногда случается и воды въ честь, да живемъ же. Али ты насъ тѣмъ лучше, что боярыня? Да одинаково намъ Богъ распростеръ небо, еще же луна и солнце всѣмъ сіяетъ, также и все прозябающее, по повелѣнію Владычню, служитъ тебѣ не больше, а мнѣ не меньше. А честь прелетаетъ. Одинъ честенъ тотъ кто ночью возстаетъ на молитву, да медокъ перестанетъ, въ квасъ примѣшивая, пить." * И Морозова свято исполняла наставленія своего духовнаго отца. Пять изгнанныхъ инокинь жили въ ея домѣ, и „не могла она насытиться ихъ любви:" „зѣло радовалась," предстоя съ ними ночью на правилѣ Христу или раздѣляя съ ними трапезу. Къ природной сосредоточенности Морозовой, къ проповѣди Аввакума, къ старинной монашеской обстановкѣ терема боярскаго подоспѣло на помощь сильное слово постриженника Симонова монастыря, Трифилія. Долгіе годы подвизался Трифилій въ Симоновской обители, многими знаемъ былъ въ Москвѣ, извѣстенъ и царскому семейству, потому что прежде постриженія „въ царскихъ дворѣхъ всеусердный служитель и вѣрный бяше." Говорили, что онъ велъ родъ свой отъ благороднаго корня. ** Трифилій былъ горячимъ приверженцемъ старины. Онъ любилъ говорить о древне-церковномъ благочестіи и открыто проповѣдывалъ о необходимости остерегаться новшествъ, преданныхъ патріархомъ Никономъ. Много народу стекалось слушать Трифилія въ Москвѣ. *** „Лобызающіе древнее православіе" приходили къ нему и въ глубокую, темную и смрадную темницу въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, гдѣ онъ высидѣлъ двѣнадцать лѣтъ, до самой смерти. **** Симоновскій старовѣръ указалъ Морозовой на инокиню Меланію. Подъ началомъ у этой старицы находились всѣ извѣстныя намъ московскія раскольницы того времени, которыя составляли уже общину крѣпкую своимъ нравственнымъ единствомъ.

---

* См. Приложенія.

** По словамъ *Винограда Россійскаго*, Трифилій въ Симоновой обители „многа лѣта свято-трудно спасительными труды подвизався и за всекрасныя добродѣтели всѣмъ знаемъ...."

*** „Всекрасная добродѣтель и дивная чистота отца *паче магнита* народы на послушаніе всепрелюбезно привлечаше, еже о древле-церковнѣмъ благочестіи всеблагоревностно стояти, еже Никономъ преданныхъ новшествъ весьма ощаятися." *Виноградъ Россійскій.*

**** „Древнее православіе лобызающіи отвсюду къ нему притекаху, пользы ради совопрошенія, и стражемъ подающе имѣнія, къ человѣку Божію вхождаху и пріимаху рѣшенія изрядная." Тамъ же.

Меланію уважалъ Аввакумъ; она, въ свою очередь, помогала и покровительствовала протопопу во время дальняго заточенія его. Къ Анисьѣ, одной изъ старицъ, подначальныхъ Меланіи, Аввакумъ обращался изъ пустозерской тюрьмы съ такими словами: „Азъ есмь изможделъ отъ грѣхъ и не могу о себѣ молитвы чисты со благоговѣйствомъ приносити! Ей! не притворяяся говорю, чадо! Все развалилося. Поддержи мою старость ты, стягни дряхлость мою, любезная моя; утверди малодушіе мое, Богомъ избранная; вздохни и прослезися о мнѣ.“ * Анисьѣ вручилъ Аввакумъ свое духовное стадо, покидая Москву. „Паси же, пишетъ онъ ей изъ ссылки, и овцы моя, прежде врученныя ти, ихъ же имена написана суть на небесѣхъ, не ослабѣвай жезла на лѣнящіяся, а творящимъ заповѣди Господни честь воздавай.“ Самой Анисьѣ Аввакумъ особенно старается внушить равнодушіе къ роднымъ, презрѣніе къ ея прежнему боярскому сану и вѣрность смиреннымъ обязанностямъ инокини: „А о племени своемъ не больно пекись; комуждо и безъ тебя промышленникъ Богъ.“ „Слушай ка, Анисья!“ — спрашиваетъ онъ ее въ этомъ же посланіи, — умѣешь ли ты молоть? Мели рожь въ жерновахъ, да на сестеръ хлѣбы. пеки или въ пекарни шти вари, да сестрамъ разноси.“ Протопопъ не забываетъ сказать Анисьѣ: „Имѣй послушаніе къ матери (Меланіи), не разсуждай о величествѣ сана своего, яко боярышня, отрицайся мысли сея и оплюй ее.“ Съ общиной Меланіи не прекращались у Аввакума сношенія и тогда, когда онъ былъ заключенъ въ земляной пустозерской тюрьмѣ. „Старица Меланія и сестры! — пишетъ онъ — Простите мя и молите Бога о мнѣ. Малины еще пришлите ко мнѣ, Господа ради. Спаси Богъ за патрахиль и за вся благая ко мнѣ. Писано сіе въ осень, а прежде всего весною послано, невѣдомо дошло, невѣдомо нѣтъ. А что ты Меланья *сама* не отпишешь ко мнѣ? *Али боишься? Не бойся никого, токмо Христа.*“ ** Но въ Меланіи не было той фанатической отваги, той прямоты и горячки въ дѣйствіяхъ, которыми отличался ссыльный протопопъ. Съ этою служительницей старовѣрства, осторожною, но дѣятельною, хотя и не бросавшеюся намѣренно на опасность, познакомилъ Морозову Трифилій. Боярынѣ она

* Аввакума: *Книга старицъ Меланіи съ сестрами и съ подначальною Анисьею.*

** Тамъ же.

понравилась. Довольно было ей нѣсколько разъ послушать словесъ Меланіи, и Морозова избрала ее матерью себѣ, отдалась ей подъ начало, сдѣлалась ея „опасною послушницей, и до дня смерти ни въ чемъ не ослушалась велѣнія ея, а свою волю въ конецъ отсѣкла.“ Меланія довершила дѣло Аввакума и Трифилія въ сильной душѣ вдовы. Благодаря наставленіямъ Меланіи, Морозова „въ конецъ постигла разумѣть и творить всякое богоугодное дѣло.“ Свѣтлая сторона жизни какъ будто умерла для боярыни; строгій, безстрастный аскетизмъ задавилъ въ ея душѣ всѣ тѣ радости и надежды, которыми украшается земное поприще человѣка. Морозова изнуряетъ свою плоть постомъ и молитвою, смертная память не покидаетъ ее и держитъ въ постоянномъ страхѣ, только слезы сокрушенія о грѣхахъ переводятъ ее къ радостной надеждѣ на помилованіе. Мало-по-малу боярыня сбрасываетъ съ себя заботы семейныя и порываетъ узы, скрѣплявшія ее съ родными. Достигнувъ этой степени религіознаго возбужденія, Морозова не сдерживаетъ уже своего языка; она чувствуетъ въ себѣ какъ бы призваніе свыше на обличеніе заблудившихся. Прежде всего ея обличенія падаютъ на ближайшихъ ея родственниковъ. Сестра Морозовой, Евдокія, бывшая замужемъ за княземъ Урусовымъ, скоро поддалась вліянію любимой сестры и среды ея окружавшей, и пошла съ нею съ тѣхъ поръ рука объ руку, ни на шагъ не отставая отъ своей энергической путеводительницы. Домъ Ртищевыхъ считался въ то время гнѣздомъ западныхъ новшествъ, представителемъ новаго направленія. Михаилъ Алексѣевичъ Ртищевъ, по словамъ *Сказанія о житіи Морозовой*, былъ „возлюбленнымъ сосудомъ Никоновымъ.“ Его дочь, Анну, Аввакумъ называетъ „промышленницею и заступницею еретическою.“ Сынъ его, извѣстный въ свое время всей Москвѣ „милостивый мужъ,“ Ѳедоръ Ртищевъ, любилъ кіевскихъ ученыхъ, давно подпавшихъ вліянію запада, и потому пользовавшихся особенною ненавистію старовѣровъ, которые называли ихъ „вводителями ересей.“ Ѳедоръ Ртищевъ устроилъ Преображенскій монастырь и вызвалъ туда 30 иноковъ изъ Кіева, изъ Межигорскаго и другихъ малороссійскихъ монастырей. Умный Борисъ Морозовъ уважалъ Ѳедора Ртищева и слушался его совѣтовъ. * Сочувствіе кіевскимъ

* Въ *житіи милостиваго мужа Ѳедора Ртищева* отношенія послѣдняго къ Борису Морозову переданы такъ: „Нѣкогда же ради многихъ царскихъ

ученымъ не охладило въ этомъ боярскомъ семействѣ преданности старинѣ. Но Ртищевы менѣе придавали значенія религіознымъ обрядностямъ нежели старовѣры: образованная терпимость смягчала ихъ взгляды на людей противоположныхъ убѣжденій и партій. Ласково принялъ Ѳедоръ Ртищевъ Аввакума, когда протопопъ возвращенъ былъ въ Москву изъ дальней ссылки: „Къ Ѳеодору Ртищеву зашелъ," разказываетъ Аввакумъ: „онъ самъ изъ палатки выходилъ ко мнѣ, благословился отъ меня и учалъ говорить много: три дни и три ночи домой меня не отпускалъ и потомъ царю обо мнѣ извѣстилъ." * Аввакумъ называетъ Ртищева „своимъ старымъ дружищемъ." Домъ Ртищевыхъ открытъ былъ для споровъ о старомъ и новомъ направленіи. Дружески бесѣдуя по цѣлымъ днямъ съ фанатикомъ-протопопомъ, отдавшимъ всю силу своего здороваго ума и несокрушимой воли запоздалымъ попыткамъ возстановить до-макарьевскую старину и соблюсти русскую народность отъ иноземной „пестроты." Ѳедоръ Ртищевъ просиживалъ ночи въ разговорахъ съ кіевскими учеными: „со мужи мудрыми и божественнаго писанія изящными *въ любезномъ ему бесѣдованіи* иногда цѣлыя ночи бодростнѣ препровождая." ** „Не малая печаль" овладѣвала покровителемъ кіевскихъ уче-

---

дѣлъ управленія случашеся ему (Б. Морозову) нѣкая расположенія въ скорости безполезнаго разсмотрѣнія совершати... Сей же любомудрый мужъ Ѳеодоръ, имѣя по Бозѣ любовь совершенную, яже страхъ изгонитъ вонъ, и за превосхожденіе въ разумѣ не точію сверстникъ своихъ, но и многолѣтныхъ старецъ, *аще бы и подъ его властію и лѣты юнъ*, обаче отдая ему истинную друголюбія должность, объ ономъ его скоростномъ дѣяніи глаголаніе ему полезная тихообразно и немятежно безо всякаго обиновенія. Онъ же, яко мужъ исполнь разсужденія, видя благочѣрна мужа веліе христіанское благонравіе, аще и противное его изволенію оно глаголаніе отъ него слыша быти, обаче познавая правду и мужа кротость, его словесъ срамляшеся, бесѣдуя съ нимъ съ любовію, благопотребное и полезное содѣваше, противное же тому отрѣваше. Егда же яко человѣкъ, отрѣвая благихъ и полезныхъ Ѳеодоровыхъ совѣтовъ словеса, исполняше по хотѣнію своего сердца, ихъ же ради таковыхъ своихъ къ своему хотѣнію исполненій обрѣтъ себѣ противная; сей же кроткій мужъ и въ приключшихся ему злыхъ, весьма яко другъ истинный и дружескихъ законовъ присный хранитель прилежа о семъ и многъ трудъ показа во его отъ злыхъ соблюденіе." *Древн. Росс. Вивліовика*, XVIII, 404. Несмотря на риторическій тонъ и пристрастіе разкащика къ личности Ѳедора Ртищева, мы можемъ признать, что отношенія „милостиваго мужа" къ Борису Морозову были дружественныя.

* *Житіе протопопа Аввакума*, стр. 64, 71.

** *Древняя Росс. Вивліовика*, XVIII, 401.

ныхъ, когда онъ видѣлъ, что церковный уставъ исполнялся „не по древнему чину святыхъ отецъ.“ * Ему хотѣлось исправить возмущенную церковную старину „тихо и немятежно;“ ему хотѣлось возвратить „древнее благочиніе,“ и около себя онъ видѣлъ къ тому готовыхъ, преданныхъ этой задачѣ дѣятелей—Ивана Неронова и стараго друга своего, Аввакума. Но не въ характерѣ этихъ „совѣтниковъ“ Ртищева были „тихія и немятежныя“ дѣйствія. Кроткій мужъ Ѳедоръ застигнутъ былъ великимъ историческимъ вопросомъ, и въ горячее время ожесточенной борьбы двухъ направленій ** остановился на перепутьи, протянувши одну руку южнымъ ученымъ и дѣлу Никона, а другою стараясь удержаться за „*древнее* благочиніе,“ и не лишая своихъ симпатій Неронова и Аввакума. Понятно, почему въ домѣ Ртищева шли постоянные споры о старомъ и новомъ порядкѣ вещей. Туда ходилъ Аввакумъ „браниться съ отступниками;“ *** тамъ бывалъ дядя Ѳедора Ртищева, архимандритъ Покровскаго монастыря, заклятой старовѣръ, Спиридонъ Потемкинъ. Разъ Анна Михайловна Ртищева, родная сестра Ѳедора, сказала Потемкину: „Что-де, дядюшка, разнствуетъ хлѣбъ со опрѣснокомъ?“ И старикъ отвѣчалъ ей на то: „Вижу, Михайловна: половина ты Ляховки.“ Она закрыла лицо рукавомъ. **** Новое направленіе брало однако все болѣе и болѣе верхъ въ домѣ Ртищевыхъ надъ старымъ. Вліяніе кіевскихъ ученыхъ упрочивалось въ немъ; Аввакумъ былъ въ дальнемъ заточеніи, какъ отъявленный противникъ и царя, и патріарха. Въ письмахъ къ своимъ единомышленникамъ Аввакумъ называетъ уже Ртищевыхъ отступниками. „Горе съ ними да только!“ говоритъ онъ въ одномъ посланіи. „Все-то мнѣ друзья *бывали* отступники погибшіе, бѣдные. *Ихъ помощію* бѣды власти совершаютъ надъ церковію, рвутъ, что волки, овецъ тѣхъ бѣдныхъ.“ ***** Въ это время Ртищевы, бывая у Ѳедосьи Морозовой, не разъ пытались ослабить въ ней упрямое и открытое выраженіе сочувствія старовѣрству и опальному

* Тамъ же, стр. 402.

** Любопытны слова *Житія Ртищева*: „Долгимъ бо временемъ всего народа во обычаи укрѣпися (многогласное чтеніе и пѣніе) и отъ многихъ лѣтъ обыкновенія, не полезно мняху, оно оставя, на первобытное благочиніе возвратитися.“ Тамъ же.

*** *Житіе протопопа Аввакума*, стр. 71.

**** Изъ письма Аввакума.

***** Оттуда же.

протопопу, которое грозило родственницѣ ихъ серіозною опасностію. Много разъ Михаилъ Алексѣевичъ Ртищевъ, сидя у Морозовой въ гостяхъ съ дочерью своею, Анною, начиналъ хвалить „великаго и премудраго учителя“ Никона патріарха и новыя книги. Молчаливо выслушивала Морозова ихъ рѣчи и потомъ говорила: „По истинѣ, дядюшка, вы прельщены: хвалите такого врага божія, отступника, и ублажаете книги его, насѣянныя римскими и всякими другими ересями. Намъ, православнымъ, слѣдуетъ отвращаться его книгъ и всѣхъ его нововводныхъ богомерзкихъ преданій.“ Старикъ Ртищевъ надѣялся подѣйствовать на самое святое и глубокое чувство въ женской природѣ, на чувство материнской любви. „Зачѣмъ отлучилась отъ насъ?“ спрашивалъ Ртищевъ Морозову, и показывая на дѣтей, сидѣвшихъ вокругъ, продолжалъ: „Посмотри на этотъ виноградъ; только бы намъ радоваться, смотря на нихъ и ликовать общею любовію, раздѣляя съ тобою трапезу. Но одно между нами разсѣченіе стало. Молю тебя, оставь распрю: перекрестись тремя перстами и не прекословь ни въ чемъ великому государю и всѣмъ архіереямъ. Знаю, что погубилъ и прельстилъ тебя злѣйшій врагъ — протопопъ, котораго и имя гнушаюсь вспомнить: такъ оно мнѣ ненавистно! Ты знаешь, за чье ученіе хочешь умереть?—Аввакума, проклятаго нашими архіереями.“ Улыбнулась Морозова въ отвѣтъ на эти слова и тихо сказала: „Не такъ, дядюшка, не такъ! Не право твое увѣщаніе: сладкое называешь горькимъ, а горькое сладкимъ. Отецъ Аввакумъ — истинный ученикъ Христовъ. Онъ страдаетъ за законъ Христовъ, и потому его ученіе слѣдуетъ слушать тѣмъ, которые хотятъ угодить Богу.“ „Неукротимая брань“ отдѣлила Морозову отъ ближайшихъ родственниковъ. Однажды Анна Михайловна Ртищева повела къ ней такую рѣчь: „Сестрица-голубушка! съѣли тебя старицы бѣлецкія, проглотили твою душу, отлучили тебя какъ птенца отъ насъ; не только насъ презрѣла, но и объ единородномъ своемъ сынѣ не радишь. Одно у тебя чадо, и о томъ ты не радишь! Да еще какое чадо-то! Кто не удивится красотѣ его? Когда онъ спитъ, слѣдовало бы тебѣ поставить надъ нимъ свѣчу чистѣйшаго воску или зажечь надъ нимъ, не вѣмъ какову, лампаду и зрѣть бы тебѣ на доброту лица его и веселиться, что даровалъ тебѣ Богъ такое дорогое чадо. А ты ни во что его полагаешь. Великому государю ты не повинуешься,

и если какъ-нибудь придетъ на тебя за твое прекословіе, огнепальная ярость царева, и повелитъ онъ разграбить домъ твой, тогда и сама испытаешь многія скорби, и сына своего сдѣлаешь нищимъ по своему немилосердію." Но религіозный фанатизмъ заглушалъ въ душѣ Морозовой голосъ материнской любви. „Люблю сына своего, Ивана," говорила Морозова, „радѣю о томъ что̀ полезно тѣлу и душѣ его. А чтобы мнѣ изъ любви къ сыну повредить душу свою или, сына своего жалѣючи, отступить благочестія (при этихъ словахъ Морозова перекрестилась двумя перстами), сохрани меня Сынъ Божій отъ этого напраснаго милованія! Не хочу, щадя сына своего, погубить себя. Хоть онъ у меня и одинъ, но Христа я люблю больше сына. Если вы замышляете сыномъ отвлечь меня отъ Христова пути, то я скажу вамъ: выведите, если хотите, сына моего, Ивана, на позоръ, отдайте его, чтобъ устрашить меня, псамъ на растерзаніе; если увижу красоту его, терзаемую псами, и тогда не помыслю отступить отъ вѣры и благочестія. До конца пребуду въ вѣрѣ Христовой, и если сподоблюсь вкусить за нее смерть, то никто не можетъ исхитить сына изъ рукъ моихъ." Слова Морозовой поразили какъ громомъ Анну Ртищеву. Энергическая послѣдовательница Аввакума готова была все принести въ жертву своимъ убѣжденіямъ, и въ душѣ ея, конечно, живы и дѣйственны были слова, съ которыми учитель ея обращался къ ревнителямъ древняго благочестія: „Молю васъ всѣхъ, страждущихъ о Христѣ, писалъ Аввакумъ, „претерпимъ здѣ мало отъ Никоніянъ, да Бога вѣчно возвеселимъ, съ Нимъ и мы возрадуемся. Нынѣ бо въ зерцалѣ и гаданіи, тамо же съ Христомъ лицомъ къ лицу; нынѣ намъ отъ Никоніянъ огнь и дрова, земля и топоръ, ножъ и висѣльница, тамъ же ангельскія пѣсни и славословіе, хвала и радость, и честь, и вѣчное возрадованіе. Яра нынѣ зима, но сладокъ тамо рай; болѣзненно терпѣніе, но блаженно воспріятіе. Да не смущается сердце ваше, ни устрашается... Всякъ вѣрный не развѣшивай ушей и не раздумывайся, гряди со дерзновеніемъ во огнь и съ радостію постражи Господа ради, яко добръ воинъ Іисусъ Христовъ, правости ради древнихъ книгъ святыхъ." * „Всѣмъ горемыкамъ своимъ миленькимъ," въ числѣ которыхъ названа и

---

* Аввакума, *О Мельхиседекѣ*.

Морозова съ сестрою, пишетъ Аввакумъ: „Любо мнѣ, что вы охаете: „Охъ! охъ! какъ спастися? искушеніе пріиде!“ Чаю су охъ, да ладно такъ: меньше спите, убужайте другъ друга. А я играю, въ землѣ сидя. Пускай, реку, діаволъ отъ сосуды своими погоняетъ отъ долу къ горнему жилищу и въ вѣчное блаженство рабовъ Христовыхъ. Павелъ пишетъ: *житіе наше на небесѣхъ есть*.... Приношу васъ въ жертву Богу живу и истинну, Богу животворящему мертвыя. Самъ по немъ азъ умираю и въ васъ того желаю. Станемъ добрѣ, станемъ твердо, отцы мои и братія, и чада, и сестры, и дщери! Аще не нынѣ, умремъ же всяко.“ * Разорвавъ связь съ обществомъ и близкими, Морозова тѣмъ крѣпче привязалась къ сестрѣ своей, которую вырвала изъ семейства, познакомила съ старицею Меланіей и сдѣлала ее „изрядною послушницею.“ Ѳедосья передала сестрѣ своей, Евдокіи Урусовой свои вѣрованія и убѣжденія: они были приняты горячо и навсегда остались въ душѣ Урусовой, которая немногимъ уступала въ энергіи своей сестрѣ. **

Шли годы. Иванъ Глѣбовичъ былъ уже въ томъ возрастѣ, когда самъ могъ сдѣлаться главою семейства. У Морозовой развязывались руки. Она имѣла теперь возможность осуществить свои завѣтныя мечты, къ которымъ такъ единодушно и сильно подготовляли ее среда и время. Отдалившись отъ двора, по ея понятіямъ, неправославнаго, лишь изъ „приличія“ посѣщая церкви, осквернены, по ея мнѣнію, новыми книгами и новымъ пѣніемъ, отдавшись искренно ученію своего духовника о необходимости самоуничтоженія, Морозова выразила Меланіи желаніе постричься. Осторожная монахиня отказывалась исполнить ея желаніе по многимъ причинамъ. Прежде всего нельзя было скрыть этого въ домѣ; „еслижъ это увѣдано будетъ царемъ, то будутъ многимъ людямъ многія скорби разспросовъ ради чтобъ узнать, кто по-

---

* Аввакума, *Книга всѣмъ нашимъ горемыкамъ миленькимъ*.

** „Моляшеся Ѳеодосія многажды Богу, да подастъ и сестрѣ ея, княгинѣ Евдокіи, таковую же любовь ко Христу и попеченіе имѣти о душѣ словесы же наказываше ю съ любовію на многъ и увѣща ю еже предатися, въ повиновеніе матери Меланіи. Она же зѣло радостнѣ и съ великимъ усердіемъ умоли матерь, еже бы попеклась о спасеніи души ея. Мати же надолзѣ отрицашеся; но обаче княгиня многими слезами возможе и бысть послушница изрядна. И не точію во единомъ послушаніи, но и во всѣхъ добродѣтельныхъ нравѣхъ ревноваше старѣйшей сестрѣ своей.“

стригъ.“ Скрыться изъ дому — другая бѣда. Наконецъ, еслибъ и удалось сохранить дѣло въ тайнѣ, то скоро подойдетъ время сочетать сына бракомъ: потребно будетъ пещись „о свадебныхъ чинахъ и уряженіи,“ а инокинямъ неприлично заботиться о подобныхъ дѣлахъ. Наконецъ, придется сбросить съ себя и послѣднее лицемѣріе — перестать ходить въ церковь. Морозова упорно стояла на своемъ. Меланія наконецъ согласилась исполнить ея желаніе: по просьбѣ Меланіи Ѳедосью Морозову постригъ отецъ Досифей съ именемъ Ѳеодоры и поручилъ ее матери Меланіи. Тогда Морозова отдалась безраздѣльно исполненію монашескихъ обѣтовъ — посту, молитвѣ и молчанію, и сложила съ себя управленіе домомъ, которое въ древнемъ русскомъ семействѣ лежало во всѣхъ мелочахъ домашняго хозяйства на „государынѣ,“ то-есть матери. Морозова начала уклоняться отъ всѣхъ домашнихъ дѣлъ, сказываясь больною, и всякія „судныя дѣла приказала“ своимъ вѣрнымъ людямъ.

Это было въ декабрѣ 1671 года.

Постриженіе Морозовой не могло долго укрываться отъ двора и царя. 22 января Алексѣй Михайловичъ сочетался вторымъ бракомъ съ Натальею Кирилловною Нарышкиной. По свадебному чину, Морозовой, какъ родственницѣ царя, слѣдовало стоять въ первыхъ боярыняхъ и титлу царскую говорить. Она не пошла на свадьбу царя, отговариваясь болѣзнію ногъ, которая будто бы не позволяла ей ни стоять, ни ходить. Не повѣрилъ царь этой отговоркѣ и „тяжко вмѣнилъ“ Морозовой отказъ быть на великой государской радости. „Вѣмъ,—сказалъ Алексѣй Михайловичъ, — что загордилася.“ Морозова-инокиня считала обязанностью церковнаго правовѣрія отказаться отъ присутствія на царской свадьбѣ, потому что, сказывая титулъ, ей пришлось бы назвать царя „благовѣрнымъ,“ цѣловать его руку, и кромѣ того „невозможно бы ей было избыть отъ благословенія ихъ архіереевъ.“ Морозова „изволила лучше страдать, нежели имѣть общеніе съ Никоніянами“ Алексѣй Михайловичъ не вдругъ далъ почувствовать мятежной боярынѣ силу своей „огнепальной ярости.“ Морозову почти цѣлый годъ оставляли въ покоѣ. Только осенью прислалъ къ ней царь боярина Троекурова, а черезъ мѣсяцъ мужа Евдокіи, Петра Урусова, съ выговоромъ, чтобы покорилась и приняла всѣ новоизданныя книги; въ случаѣ неповиновенія, царь грозилъ великими бѣ-

дами. Крутыя и быстрыя мѣры не были въ характерѣ Алексѣя Михайловича; къ тому же, царю предстояло карать неповиновеніе гражданской и церковной власти въ лицѣ одной изъ первыхъ при дворѣ и наиболѣе извѣстной въ Москвѣ боярыни. Морозова сказала присланнымъ къ ней боярамъ, что она не знаетъ за собою зла передъ царемъ и дивится, „почто царскій гнѣвъ на ея убожество.“ „Если же царь, „прибавила Морозова,“ хочетъ отставить меня отъ правой вѣры, и въ томъ государь не кручинься; но извѣстно ему буди: по се число Сынъ Божій покрывалъ меня Своею десницею; ни въ мысль мою не принимала никогда оставить отеческую вѣру и принять Никоновы уставы. Хочу умереть въ той вѣрѣ, въ которой родилась и крестилась. Довлѣетъ ему, государю, не стужать мнѣ, убогой рабѣ, потому что невозможно мнѣ отречься отъ святой нашей православной вѣры.“ Расколъ былъ не церковнымъ только, а общественнымъ, политическимъ явленіемъ. Отрицая „благовѣріе“ въ государѣ, старовѣры отказывались повиноваться ему; они отказывались подчиняться новому порядку вещей и обществу, которое приняло этотъ новый порядокъ. Вопросъ не ограничивался церковными преобразованіями или разногласіемъ въ обрядностяхъ; онъ глубоко захватывалъ все будущее, и духовное, и государственное развитіе русскаго народа. Раскольники столько же враждебны были Никону и архіереямъ, сколько, если не болѣе, самому великому государю. Выслушавъ отвѣтъ Морозовой, Алексѣй Михайловичъ сказалъ: „Тяжко ей бороться со мною; одинъ кто изъ насъ одолѣетъ.“

Еще нѣсколько времени прошло спокойно. Старицы, имѣвшія пріютъ въ домѣ Морозовой, почуявъ бѣду, просили, чтобъ она отпустила ихъ. Ѳедосья успокоила ихъ словами: „Не бойтесь, голубицы мои: теперь еще не будетъ ко мнѣ присылки.“ Ѳедосьѣ хорошо было извѣстно что̀ дѣлалось и говорилось при дворѣ. Петръ Урусовъ каждый вечеръ сообщалъ о всемъ происходившемъ „на верху“ женѣ своей; а Евдокія почти безвыѣздно жила съ сестрой и лишь не надолго отъѣзжала въ домъ къ князю. Пять недѣль протекло послѣ первой царской присылки. 14-го ноября Ѳедосья отпустила старицъ. „Матушки мои!—говорила она имъ,—время мое пришло ко мнѣ; идите вы всѣ куда васъ Господь наставитъ, а меня благословите и помолитеся, чтобы Господь, вашихъ ради молитвъ, укрѣпилъ меня страдать о имени Господни.“

Вѣсти сверху были неблагопріятны для Морозовой. „Скорби великія грядутъ на сестру твою,“ сказалъ Урусовъ Евдокіи: „содержимый неукротимымъ гнѣвомъ царь соизволяетъ на томъ, чтобы вскорѣ изгнать ее изъ дому.“ Урусовъ самъ тайно сочувствовалъ и Ѳедосьѣ, и старовѣрству. * На другой день, отпуская жену къ Ѳедосьѣ, а самъ отправляясь во дворецъ, Урусовъ сказалъ Евдокіи: „Поди, простися, только не мѣшкай съ нею: думаю, что сегодня будетъ къ ней посылка.“

До ночи ждали сестры гостей. Во второмъ часу ночи дѣйствительно отворились большія ворота. Страхъ овладѣлъ Ѳедосьей, и она склонилась на лавку. Сестра ободряла ее: „Матушка-сестрица, дерзай! съ нами Христосъ, не бойся. Встань, положимъ начала.“ Они положили семь приходныхъ поклоновъ, благословились одна у другой „свидѣтельствовать истину“ и разошлись. Ѳедосья легла на одръ свой близъ иконы Пресвятыя Богородицы Ѳеодоровскія; сестра удалилась въ чуланъ, который находился при постельной и обыкновенно служилъ убѣжищемъ наставницѣ Меланіи, скрывавшейся въ домѣ Морозовой подъ именемъ Александры. Въ постельную „дерзостно“ вошелъ чудовскій архимандритъ Іоакимъ съ думнымъ дворяниномъ, Ларіономъ Ивановымъ. Архимандритъ требовалъ отъ Морозовой, чтобъ она отвѣчала на царскіе вопросы, стоя или по крайней мѣрѣ сидя; она не хотѣла повиноваться. Послѣ вопроса о крестномъ знаменіи, Іоакимъ сталъ выпытывать у Морозовой, гдѣ находилась тогда Меланія-Александра. „По милости Божіей и молитвами родителей нашихъ,—отвѣчала Морозова,—по силѣ нашей убогій нашъ домъ всегда отверстъ былъ для странныхъ рабовъ Христовыхъ: было время, были Сидоры и Карпы, и Меланіи, и Александры; нынѣ же никого изъ нихъ нѣтъ.“ Думный дворянинъ вошелъ въ смежный съ постельною не освѣщенный чуланъ, замѣтилъ Урусову и окликнулъ ее. „Я жена Петра Урусова,“ послышалось въ отвѣтъ. Іоакимъ велѣлъ Ларіону Иванову спросить какъ она крестится. Евдокія сложила двуперстное знаменіе и сказала: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшную! Сице азъ вѣрую.“ Думный вышелъ изъ чулана и передалъ архимандриту слова Евдокіи. Оставивъ

* По словамъ *Житія*, онъ сказалъ женѣ: „Княгиня! послушай, еже азъ начну глаголати тебѣ; ты же внемли словесемъ Христовымъ. Въ Евангеліи рече: предадятъ на сонмы и темницы... не убойтеся отъ убивающихъ тѣло и потомъ не могущихъ ліше что сотворити.“

Ларіона Иванова въ постельной, архимандритъ пошелъ къ царю. Онъ засталъ его въ Грановитой палатѣ и сообщилъ ему, что не только боярыня, но и найденная у нея сестра ея, Евдокія, „крѣпко сопротивляется царскому повелѣнію.“ Царь удивился. „Не думаю, чтобъ было такъ, — сказалъ онъ: — слышалъ я, что княгиня смиренна, не гнушается нашей службы; но та сумасбродная люта.“ Царь приказалъ взять сестеръ. Петръ Урусовъ присутствовалъ при этомъ разговорѣ и молчалъ: помочь дѣлу было невозможно. Возвратившись въ домъ Морозовой, Іоакимъ допрашивалъ слугъ ея какъ вѣруютъ, и отдѣлилъ отъ нихъ Ксенію Иванову и Анну Соболеву, за то что онѣ крестились двумя перстами. Самой боярынѣ архимандритъ объявилъ повелѣніе царя „отгнать ее отъ дому.“ „Не умѣла ты жить въ покореніи, но утвердилась въ прекословіи своемъ,“ сказалъ ей Іоакимъ: „такъ полно тебѣ жить на высотѣ, сниди долу. Встань и иди отсюда.“ Морозова не слушалась. По приказанію Іоакима, люди принесли кресла, посадили на нихъ Ѳедосью и понесли за нимъ. Иванъ Глѣбовичъ проводилъ мать до средняго крыльца и поклонился ей въ спину: Ѳедосья не замѣтила безмолвнаго прощанія сына, съ которымъ ей не суждено было болѣе увидѣться.

Сестры закованы были по ногамъ въ желѣза и посажены подъ стражу въ людскихъ хоромахъ. Черезъ два дня думный Иларіонъ снялъ съ нихъ оковы и велѣлъ идти, куда поведутъ. Ѳедосья и здѣсь отказалась исполнить приказаніе думнаго. Слуги понесли ее въ Чудовъ монастырь, Евдокію вели за нею. Въ одной изъ палатъ Чудова монастыря ихъ ждали Павелъ, митрополитъ крутицкій, архимандритъ Іоакимъ, думный и другіе. Дурною славой пользовался у старовѣровъ „краснощекій“ митрополитъ Павелъ, потому, можетъ-быть, что ему обыкновенно поручались въ то время слѣдствія по дѣламъ раскола. По словамъ Аввакума, на безпристрастіе котораго въ этомъ случаѣ, конечно, мало можно полагаться, Павелъ „не живалъ духовно; блинами все торговалъ да оладьями; да какъ учинился попенкомъ, такъ по боярскимъ дворамъ блюда лизать научился, не видалъ и не зналъ духовнаго житія.“ Вошедъ въ палату, Морозова, по обычаю, поклонилась образу Божію, властямъ же „малое и худое поклоненіе сотворила.“ Вѣрная примѣру духовнаго отца своего Аввакума, она не хотѣла говорить съ властями стоя, несмотря на всѣ ихъ принужденія. Она не пропускала ни одного

случая показать свое презрѣніе и неповиновеніе Никоніянамъ. Помня честь и породу Морозовой, митрополитъ началъ тихимъ голосомъ говорить, что ее прельстили своимъ ученіемъ старцы и старицы, съ которыми она любовно водилась. Напрасно увѣщевалъ ее митрополитъ покориться царю, напрасно напоминалъ о сынѣ; Морозова повторяла, что не старцами и старицами прельщена она, но отъ истинныхъ рабовъ Божіихъ навыкла истинному пути и благочестію. Напоминаніе о сынѣ она отклонила словами, что обѣщалась служить Христу, своему свѣту, и будетъ вѣрна обѣщанію до послѣдняго издыханія: „Христу я живу, а не сыну," заключила она свою рѣчь. Власти видѣли невозможность подѣйствовать на непреклонно-твердую въ своихъ мнѣніяхъ боярыню словомъ убѣжденія и смѣнили его допросомъ. Морозову спрашивали: причастится ли она по тѣмъ служебникамъ, по коимъ причащается государь-царь, благовѣрная царица и царевны?

— Не причащуся, отвѣчала боярыня:—знаю, что царь причащается по развращеннымъ служебникамъ Никонова изданія.

— Какже думаешь о насъ всѣхъ, продолжалъ спрашивать митрополитъ: — неужели всѣ мы — еретики?

— Врагъ Божій Никонъ, отвѣчала упрямая дочь Аввакума, — своими ересями, какъ блевотиною, наблевалъ, а вы нынѣ то скверненіе его полизаете; явно, что и вы подобны ему.

Урусова говорила въ томъ же духѣ какъ и Ѳедосья. Сестеръ отвезли назадъ и скованныхъ по ногамъ посадили въ томъ же подклѣтѣ, гдѣ они содержались прежде. На другой день снова явился къ нимъ думный. Принесены были цѣпи и стулья, къ которымъ приказано было приковать боярынь за шею. Ножныя желѣза сняли, стали возлагать на шею Морозовой цѣпь; она перекрестилась, поцѣловала огорліе цѣпи и сказала: „Слава тебѣ, Господи, яко сподобилъ мя еси Павловы узы носити." Сестеръ, прикованныхъ за шею къ стульямъ, положили на дровни и повезли мимо Чудова монастыря подъ царскіе переходы. Лежа на дровняхъ, Морозова поставила стулъ, такъ чтобъ онъ былъ виденъ всѣмъ встрѣчавшимся по дорогѣ, высоко подняла руку со сложеннымъ двуперстнымъ знаменіемъ креста и во время пути часто звенѣла цѣпями. Боярыня думала, что царь, стоя на переходахъ, смотритъ на ея униженіе, и хотѣла показать ему, что ни мало не стыдится того поруганія, которому она под-

верглась по его волѣ, а напротивъ, веселится имъ во имя любви ко Христу.

Сестеръ разлучили. Морозову отвезли на подворье Печерскаго монастыря; Евдокію Урусову держали подъ крѣпкимъ карауломъ въ Алексѣевскомъ монастырѣ, приказавъ водить ее къ церковному пѣнію. Но ни разу не могли заставить, чтобъ она сама пришла въ церковь. Къ соблазну богомольцевъ, стекавшихся въ монастырь, старицы насильно клали Евдокію на рогожныя носилки и несли въ храмъ. Когда старицы приходили за ней, она притворялась, что не можетъ двигать ни руками, ни ногами, хотя передъ этимъ всѣ видѣли, какъ весело бесѣдовала она съ своими. Княгиня не забывала доказывать старицамъ, что онѣ погибаютъ по своему неразумію, что поютъ у нихъ въ церкви, не хваля, но хуля Спасителя и попирая Его законы. Ее клали на носилки, „какъ мертвое тѣло, и несли къ пѣнію.“ Если во время этой странной процессіи Урусова замѣчала на дорогѣ кого-нибудь изъ знакомыхъ старовѣровъ, она стонала. „Увы мнѣ! утомилася; постойте немного!“ Старицы спускали носилки на землю, а Урусова громко начинала говорить: „Зачѣмъ волочите меня? Развѣ я хочу съ вами молиться? Никакъ. Неправо молиться вмѣстѣ съ отступниками Христова закона. Не почитаю я вашей службы.“ И Урусова осыпала православное богослуженіе бранными, грубо-циническими словами, на которыя такъ щедро было то время. Понятно, какъ неизгладимо-сильно должна была дѣйствовать на слушателей проповѣдь, произнесенная при такой эффектной обстановкѣ. Множество вельможныхъ женъ и простыхъ людей стекалось въ Алексѣевскій монастырь посмотрѣть, какъ волочатъ княгиню въ церковь.

Черезъ недѣлю послѣ заключенія, Ѳеодора нашла случай свидѣться съ одною изъ сестеръ-старовѣрокъ, скрывавшихся страха ради. * Первое свиданіе боярыни съ сестрою Еленой происходило на заднемъ дворѣ Печерскаго подворья, 27-го ноября, на день Знаменія Пресвятыя Богородицы. Морозова, въ лицѣ Елены, убѣждала сестеръ не съѣзжать съ Москвы и не бояться. „О сродникахъ по плоти не болѣзную такъ какъ объ васъ,“ прибавляла боярыня. Но го-

* По словамъ *Сказанія*, сестры, „не могуще увѣдати о Ѳеодорѣ, цѣлую недѣлю стужаху зѣло и плакахуся много, аки младенцы, *отъ матери отлучены*.“

неніе сестеръ постигло сильное; держаться въ Москвѣ было трудно. Сопричастница подвига Морозовой, сестра особенно къ ней близкая, Марія, бѣжала, узнавъ о судьбѣ своей единомышленницы, но была схвачена на дорогѣ, привезена въ Москву и содержалась въ оковахъ подъ Стрѣлецкимъ приказомъ.

Къ Ѳеодорѣ часто пріѣзжалъ, съ цѣлію убѣждать ее обратиться къ послушанію царю и православнымъ архіереямъ, Иларіонъ, митрополитъ рязанскій. Нѣкогда онъ самъ былъ ярымъ старовѣромъ и строгимъ подвижникомъ, близкимъ пріятелемъ Аввакума. Но Иларіонъ промѣнялъ проповѣдь о „древнемъ благовѣріи,“ которая не всегда дешево сходила тогда съ рукъ, на служеніе „новымъ,“ какъ говорили тогда, догматамъ. Отшатнулись отъ Иларіона старовѣры, какъ отъ злаго отступника. Такъ писалъ о немъ своему духовному стаду Аввакумъ: „Мельхиседекъ, живый въ чащи лѣса въ горѣ Ѳаворской седмь лѣтъ. ядый вершіе древъ, вмѣсто питія росу лизаше, прямой былъ священникъ: не искалъ женскихъ, и романей, и водокъ, и винъ процѣженныхъ, и вина съ кардамономъ, и медовъ малиновыхъ, и вишневыхъ, и бѣлыхъ разныхъ. Другъ мой, Иларіонъ, архіепископъ рязанскій! Видишь ли, какъ Мельхиседекъ-отъ жилъ? На вороныхъ конехъ въ каретахъ не тѣшился, ѣздя. Да еще былъ царскія породы, а ты кто? Охъ, охъ! бѣдный! Некому по тебѣ плакать. Недостоинъ есть вѣкъ твой весь противъ Макарьевскаго монастыря единыя ноши. Помнишь ли, какъ на комарахъ-тѣ * стаивано на молитвѣ? Явно ослѣпилъ тебя діяволъ. Гдѣ ты умъ свой дѣлъ? Столько трудовъ и добра погубилъ! Воспомяни убо, яко молитвой и бѣсовъ прогонялъ. Помнишь, какъ въ тебя бросали каменіемъ на Лысковѣ у мужика, какъ я къ тебѣ пріѣзжалъ? А нынѣ уже мирно содружился ты съ бѣсами и мирно живеши съ ними и любимъ еси ими. Какъ имъ тебя не любить? Столько ты христіанъ прижегъ и прирубилъ злымъ царю наговоромъ, еще же и ученіемъ своимъ льстивымъ и пагубнымъ многихъ неискусныхъ во адъ сведе. Никто же инъ отъ властей, яко же ты, ухищреніемъ своимъ и пронырствомъ царя льстишь и люди Божія губишь. Да воздастъ ти Господь по дѣломъ твоимъ въ день страшнаго суда! Полно мнѣ говорить. Хощу нынѣ отъ васъ терпѣть... Молю васъ всѣхъ, страждущихъ о Христѣ, протерпимъ здѣ мало отъ Никоні-

* *Комара* — верхній ярусъ зданія подъ сводами.

янъ." * Старовѣрческой московской общинѣ памятны были истязанія, которымъ Иларіонъ подвергалъ Ѳедора юродиваго, пользовавшагося покровительствомъ Морозовой. „Былъ я подъ началомъ у архіепископа на дворѣ,—разказывалъ Ѳедоръ юродивый Аввакуму, — и зѣло де онъ, Иларіонъ, мучилъ меня; рѣдкій день коли плетьми не бьетъ, и скована въ желѣзахъ держалъ, принуждая къ новому антихристову таинству." ** Конечно, увѣщанія Иларіона нисколько не дѣйствовали на Морозову; она „мужественне съ нимъ противляшеся." За то какъ ни крѣпокъ былъ приставленный къ ней караулъ изъ двухъ стрѣлецкихъ головъ и десяти воиновъ, но она нашла возможность сноситься съ единомышленниками. Скорбя, что оковы, державшія ее на стулѣ, не позволяли класть земные поклоны, Морозова писала Меланіи: „Увы мнѣ, мати моя! Не сотворихъ ничто же дѣла иноческаго. Како убо возмогу нынѣ поклоны земные полагати? О лютѣ мнѣ, грѣшницѣ! День смертный приближается, а азъ унылая въ лѣности пребываю! И ты, радость моя, вмѣсто поклоновъ земныхъ благослови мнѣ Павловы юзы поносити. Да еще, аще волиши, благослови мнѣ масла кравія и млека воздержатися и сыра, и яицъ, да не праздно мое иноечство будетъ, и день смертный да не похититъ мя не готову; едино же точію повели ми постное ясти." Между тѣмъ въ то самое время, когда отданная подъ крѣпкую стражу раскольница переписывалась съ Меланіею, царь не могъ допытаться, гдѣ скрывается эта глава раскольничьей общины. Напрасно выспрашивалъ онъ объ ея мѣстопребываніи у роднаго брата Морозовой, думнаго дворянина, Ѳедора Прокопьевича Соковнина, который пользовался довѣренностію Алексѣя Михайловича, и которому поручено было, напримѣръ, отобрать слѣдственныя сказки у опальнаго царскаго любимца, Артамона Сергѣевича Матвѣева. Разспросы царя не привели ни къ чему. Чтобъ отрѣзать отъ Морозовой помощь ближайшихъ родственниковъ, разгнѣванный Алексѣй Михайловичъ отправилъ ея братьевъ, Ѳедора и Алексѣя, на воеводство, одного на Чугуевъ, другаго на Рыбное.

Во время заключенія Морозовой на Печерскомъ подворьѣ

---

* Аввакума, о *Мельхиседекѣ*. Ср. Александра Б., *Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками въ защиту раскола.*

** *Житіе протопопа Аввакума*, стр. 79—80.

порвались послѣднія связи ея съ міромъ, прибавивъ новую каплю озлобленія противъ Никоніянъ въ чашу и безъ того полную. Сынъ ея, Иванъ Глѣбовичъ „отъ многія печали“ захворалъ и умеръ. * Старовѣры и въ числѣ ихъ сама Морозова не усомнились сложить вину его смерти на царя и его нѣмецкихъ дохтуровъ. Алексѣй Михайловичъ приказалъ беречь Ивана Глѣбова людямъ, а когда тотъ заболѣлъ, прислалъ къ нему лѣкарей своихъ, и тѣ „тако его улѣчиша, яко въ малѣхъ днехъ и гробу предаша.“ Крайне-пристрастный въ показаніяхъ Аввакумъ прямо слагаетъ вину кончины Ивана Глѣбовича на царя, который будто бы „опалой и гнѣвомъ предалъ его напрасной смерти.“ Православный „попъ безскуфейникъ,“ который принесъ Морозовой печальное извѣстіе, выставилъ ей смерть сына наказаніемъ Божіимъ, за то что она отвратилась отъ православія. Морозова мало его слушала, и распростершись на землѣ, долго голосила надгробныя пѣсни о своемъ сынѣ. Узнавъ о тяжелой катастрофѣ, Аввакумъ писалъ къ Морозовой. Распространившись въ началѣ письма въ витіеватыхъ похвалахъ умершему, онъ продолжаетъ тономъ искренняго участія: „Уже къ тому не печется о суетной многострастной плоти, и тебѣ уже некого чотками стегать и не на кого поглядѣть, какъ на лошадкѣ поѣдетъ, и по головкѣ некого погладить. Помнишь ли, какъ бывало миленькой мой государь въ послѣднее увидѣлся съ нимъ, егда причастилъ его. Да пускай! Богу надобно такъ, и ты не больно о немъ кручинься. Хорошо, право, Христосъ изволилъ. Явно разумѣемъ, яко царствію небесному достоинъ. Хотя бы и всѣхъ насъ побралъ, гораздо бы изрядно. Съ Ѳедоромъ тамъ себѣ у Христа ликуствуетъ. Сподобилъ ихъ Богъ, а мы еще не вѣмы, какъ до берега доберемся.“

Только по смерти Ивана Глѣбовича вотчины Морозовой и стада коней были розданы боярамъ, вещи золотыя, серебряныя, жемчугъ и драгоцѣнные камни проданы. Когда раззоряли палату, нашли множество золота. Одинъ изъ рабовъ Морозовой, старовѣръ Иванъ, скрылъ золото у вѣрнаго человѣка,

* Такъ по крайней мѣрѣ свидѣтельствуетъ *Сказаніе*. Замѣчательно, что почти въ тѣхъ же выраженіяхъ говоритъ о смерти Ивана Глѣбовича Аввакумъ въ письмѣ къ Морозовой. Онъ былъ уже въ ссылкѣ, зналъ о кончинѣ его отъ матери и, конечно, повторялъ ея мнѣніе. Вотъ его слова: „Напослѣдокъ же сына своего Ивана въ жертву принесе Богу, православія ради, еже есть: скончался скоро отрокъ *отъ великія печали*, егда отступники съ тобою разлучили.“

но выданъ былъ его женой. Ивана отдали на пытку, но онъ оставался вѣренъ своей госпожѣ и „старому благочестію;“ его, вмѣстѣ съ другими, сожгли въ Боровскѣ.

Но у опальной, лишенной имѣнія и денегъ боярыни существовали связи почти столь же сильныя, какъ и тѣ, которыя рушились вслѣдствіе открытаго неповиновенія ея царю: ее поддерживало всесильное московское старовѣрство. Подъ стражей Морозова имѣла возможность причаститься „бѣлецкимъ образомъ“ изъ рукъ старовѣра, отца Іова Льговскаго. Она назвала Іова священникомъ, служившимъ въ одномъ изъ ея селъ, и просила караульнаго стрѣлецкаго голову пропустить его къ ней; голова не только согласился, но и встрѣтилъ Іова въ сѣняхъ поклономъ. Самъ царь позволилъ Морозовой взять къ себѣ въ услуженіе двухъ изъ ея прежнихъ рабынь; къ ней пришли Степанида Гнѣвная и Анна Аммосовна, дѣлившая убѣжденія и участвовавшая въ тайныхъ дѣлахъ госпожи своей въ эпоху ея силы и богатства. Морозовой приходили служить Елена и подначальная Мелапіи — Аписья. Старовѣрческая община облегчила Морозовой тягость одиночнаго заключенія; разъ она даже видѣлась съ сестрой. Евдокія Урусова обратилась однажды къ старицѣ, у которой жила въ кельѣ, съ такими словами: „Госпожа! Ты знаешь, что у меня дѣти больны, и вотъ я оставила ихъ, Христа ради. Пусти меня домой; поцѣловавъ и утѣшивъ ихъ, я и сама утѣшусь и прежде вечера опять возвращусь сюда. Никто не узнаетъ о томъ, кромѣ меня и тебя. Время теперь позднее, игуменья въ гостяхъ, а старицы разошлись, и людей мало на монастырѣ. А я фатою покроюсь, пройду, и никто не узнаетъ меня.“ Противъ ожиданія, инокиня отпустила Урусову, приказавъ ей оставить въ кельѣ образъ Владычицы нашей Богородицы: „Она возвратитъ тебя сюда,“ замѣтила монахиня. Во время пути слышались ей слова: „бѣглая! бѣглая!“ Но она смѣло шла впередъ, не обращая вниманія на говоръ. Елена уже ждала ее на дорогѣ и проводила ее до Печерскаго подворья. Дворница увѣдомила Морозову о приходѣ сестры; та выслала отъ себя Анну Аммосовну; черезъ нѣсколько времени Евдокія взошла на крыльцо и безопасно миновала караульщика, который принялъ ее за возвращающуюся Анну. Вскорѣ, впрочемъ, Евдокія была узнана; всѣ десять сторожей затумѣли; голова заставилъ ихъ молчать, посовѣтовалъ гостьѣ переночевать на подворьѣ; на разсвѣтѣ онъ самъ тайно

провелъ ее черезъ дворъ; Елена проводила ее до монастыря. Но не одинъ стрѣлецкій голова покрывалъ сношенія раскольницъ; не однѣ вельможныя жены „соболѣзновали объ Урусовой, какъ о сродницѣ:“ въ Алексѣевскій монастырь часто пріѣзжалъ и сынъ царя, Михаилъ Алексѣевичъ. Стоя у окна, за которымъ томилась Евдокія, онъ съ умиленіемъ говорилъ: „Удивляетъ меня ваше страданіе; одно только смущаетъ меня: не знаю, за истину ли вы терпите.“ Почти годъ прожили сестры въ монастырскомъ заточеніи.

1672 года на патріаршій престолъ вступилъ Питиримъ II. Игуменья Алексѣевскаго монастыря въ разговорѣ съ патріархомъ сообщила ему о томъ что̀ дѣлается у нихъ на монастырѣ, какая княгиня и за какую вину у нихъ сидитъ. Завести объ этомъ разговоръ съ Питиримомъ игуменью не столько побуждало желаніе положить конецъ соблазнительнымъ сценамъ, которыми сопровождалось волоченіе Евдокіи въ церковь, сколько сочувствіе сестрамъ-боярынямъ * и надежда, что ходатайство ея не будетъ непріятно Питириму, который нѣкогда самъ ходилъ въ старомъ клобукѣ и любъ былъ старовѣрамъ. Игуменья разказала патріарху не о томъ только что̀ дѣлось въ ея монастырѣ, благодаря Евдокіи, она „нашла приличнымъ“ напомнить и о Ѳеодорѣ Морозовой. Ожиданія игуменьи не были напрасны; патріархъ обѣщался говорить объ этомъ дѣлѣ съ царемъ. Вскорѣ Питиримъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ печаловался передъ Алексѣемъ Михайловичемъ за сестеръ: „Я совѣтую тебѣ боярыню ту Морозову-вдовицу, — кабы ты изволилъ опять домъ ей отдать и на потребу ей дворовъ бы сотницу крестьянъ далъ; а княгиню тоже бы князю отдалъ, такъ бы дѣло-то приличнѣе было. Женское ихъ дѣло: что они много смыслятъ?“ „Давно бы я такъ сдѣлалъ, — отвѣчалъ царь, — но не знаешь ты лютости этой женщины. Какъ повѣдать тебѣ, сколь поругалась и нынѣ ругается Морозова та? Много надѣлала она мнѣ трудовъ и неудобствъ показала. Если не вѣришь моимъ словамъ, изволь самъ испытать: призови ее къ себѣ, спроси, и самъ узнаешь ея твердость; начнешь ее истязать и вкусишь пріятности ея. Потомъ я сдѣлаю что̀ повелишь.“

Въ ту же ночь Морозову привезли опять въ Чудовъ мо-

* По словамъ *Сказанія*, игуменья рѣшилась на разговоръ съ патріархомъ, „жалостію преклонъшеся о страданіи ея (Евдокіи), помышляющи о ея вельможіи.“

настырь и ввели во Вселенскую палату. Тамъ ждали ее патріархъ и митрополитъ Павелъ со властями и градскими начальниками. Предсказаніе царя сбылось: Питиримъ „вкусилъ пріятности“ Морозовой. На увѣщаніе свое „оставить всѣ нелѣпыя начинанія и присоединиться къ соборной церкви и россійскому собору“ патріархъ услыхалъ отъ нея въ отвѣтъ, что ей некому исповѣдаться и не у кого причаститься.

— Поповъ много въ Москвѣ, замѣтилъ Питиримъ.

— Поповъ много, отвѣчала Морозова, — но *истиннаго* нѣтъ.

Патріархъ вызвался самъ пріобщить ее. — Вельми пекусь о тебѣ; самъ на старость понуждусь исповѣдать тебя и, отслужа, самъ тебя причащу.

Морозова отклонила это предложеніе.

— Развѣ есть разница между ними и тобою? спрашивала она Питирима.—Развѣ ты не творишь ихъ волю? Когда ты былъ крутицкимъ митрополитомъ, держался обычая, переданнаго отцами нашей Русской земли и носилъ клобучекъ старый, и тогда ты намъ былъ отчасти любимъ. А нынѣ ты захотѣлъ творить волю земнаго царя, а содѣтеля своего презрѣлъ и возложилъ на свою голову рогатый клобукъ римскаго папы, и оттого мы теперь отвращаемся отъ тебя. Такъ не утѣшай меня тѣмъ, что самъ меня причастишь: не требую я твоей службы.

Патріархъ приказалъ облачить себя, намѣреваясь помазать Морозову священнымъ масломъ: „авось придетъ она въ разумъ.“ Въ ужасъ пришла боярыня, увидавъ, что патріархъ, омочивъ сучецъ въ священномъ маслѣ, приближается къ ней. До сихъ поръ она не стояла, а скорѣе висѣла на рукахъ сотниковъ, которые поддерживали ее во время разговора съ патріархомъ. Она быстро выпрямилась. Крутицкій митрополитъ протянулъ руку поднять съ ея головы треухъ, чтобы удобно было патріарху помазать ее. Морозова отстранила руку митрополита, напомнила ему свой боярскій чинъ. Она обратилась къ патріарху съ воплемъ: „Не гу и меня, грѣшницу, отступнымъ масломъ.“ Потомъ, зазвенѣвъ цѣпями, продолжала: „Неужели однимъ часомъ хочешь погубить весь мой трудъ? Отступи, удались: не требую я вашей святыни.“ Говорятъ, будто разгнѣванный патріархъ угрожалъ „вражьей дочери“ срубомъ. Морозову снова отвезли на Печерское подворье. Въ ту же ночь ставили передъ патріарха княгиню Урусову и Марію. Исходъ патріаршихъ увѣща-

ній и здѣсь не былъ удаченъ. Когда Питиримъ хотѣлъ помазать Урусову священнымъ масломъ, она, къ ужасу чтителей старыхъ русскихъ обычаевъ, сама сорвала покрывало съ головы своей. Власти оставили ее.

Въ слѣдующую ночь сестры и инокиня Марія свезены были на Ямской дворъ. Князь Воротынскій, князь Яковъ Одоевскій и Василій Волынскій пытали раскольницъ. Прежде всего подвели къ огню Марію: ее обнажили до пояса, связали руки назадъ и подняли на стряску. Потомъ повели Урусову. Замѣтивъ на ней цвѣтной покровъ, исполнители пытки содрали его съ княгини съ словами: „Ты въ опалѣ царской, а носишь цвѣтное.“ Евдокія отвѣчала что она не согрѣшила передъ царемъ. Ее также подняли на стряску. Послѣ привели Морозову.

— Что ты сдѣлала? сталъ ей говорить князь Воротынскій. — Отъ славы ты дошла до безчестія. Кто ты и какого рода? И все отъ того что принимала въ домъ юродивыхъ, Киприана и другихъ такихъ же, держалась ученія ихъ и прогнѣвала царя.

Не въ первый разъ слышала Морозова подобныя рѣчи.

— Не велико наше тѣлесное благородіе, отвѣчала она Воротынскому, — и слава человѣческая—суетна на землѣ. Сынъ Божій жилъ въ убожествѣ и напослѣдокъ распятъ былъ Жидами, какъ и мы мучимся отъ васъ.

Морозовой связали руки назадъ и повѣсили на дыбу. На стряскѣ ее держали долго. Пытка продолжалась. Марію били немилостиво плетьми. Думный, Иларіонъ, угрожалъ тѣмъ же и сестрамъ, если не покорятся. Морозова прослезилась, увидавъ на Маріи кровь и раны, и сказала Иларіону:

— Это ли христіанство, чтобы такъ людей учить?

Ихъ развели по прежнимъ мѣстамъ.

На верху въ царскомъ совѣтѣ была рѣчь о томъ, чтобы сжечь Морозову въ срубѣ, „да бояре не потянули; а Долгорукій малыми словами да много у нихъ пересѣкъ.“ Меланья ходила на Болото къ срубу, потомъ навѣстила Ѳедосью. „Ужь домъ тебѣ готовъ,“ говорила она своей послушницѣ, „вельми добръ, чинно устроенъ и соломою цѣлыми снопами уставленъ. Уже отходишь ты въ блаженство ко Христу, а насъ сирыхъ оставляешь.“ Морозова приняла отъ нея благословеніе. Но предположенія Меланьи не сбылись. Царь прислалъ къ Морозовой стрѣлецкаго голову, Юрія Лутохина, съ примири-

тельными словами. Эти переговоры не имѣли послѣдствій.* Царь приказалъ перевезти Морозову въ Новодѣвичій монастырь, „чтобы туда никто никакой потребы не приносилъ," держать ее тамъ подъ крѣпкимъ карауломъ и влачить къ пѣнію. Повторились сцены, бывшія въ Алексѣевскомъ монастырѣ. Вельможныя жены съѣзжались смотрѣть Морозову; раскольницы попрежнему находили къ ней доступъ и „утѣшали ея страдальческое сердце." Снова перевезли ее въ Москву, снова посѣтили ее Меланья и Елена и „ликовали обще со многими слезами." За Морозову явилась новая ходатайница — старшая сестра царя, Ирина Михайловна.

— Зачѣмъ, братецъ, не въ лѣпоту творишь, упрекала она Алексѣя Михайловича, — и вдову бѣдную помыкаешь съ мѣста на мѣсто. Достойно было бы познать службу Борисову и брата его, Глѣба.

Не безъ гнѣва возразилъ ей царь:

— Добро, сестрица! Коли тягчишь о ней, тотчасъ готово у меня ей мѣсто.

Морозова, Урусова и Марія одна за другою сосланы были въ Боровскъ и посажены въ одну земляную тюрьму, въ которой они нашли инокиню Юстину, также заключенную за расколъ. Московскіе старовѣры и здѣсь не покинули ссыльныхъ. Еще въ Москвѣ Акинфей** приглашалъ къ себѣ въ домъ сотниковъ, которые назначены были караулить раскольницъ, и „ухлѣбливалъ ихъ, чтобы не свирѣпы были." Въ Боровскъ онъ нѣсколько разъ посылалъ племянника своего,

---

* Передаваемыя *Сказаніемъ* подробности этихъ переговоровъ мнѣ кажутся не вполнѣ достовѣрными. Царь, по словамъ *Сказанія*, велѣлъ говорить Морозовой: „Хощу тя азъ въ первую честь возвести; дай мнѣ таковое приличіе людей ради, что аки не даромъ тебя взялъ: не крестися тремя персты, но точію руку показавъ надноси на три перста. Мати праведная, Ѳеодосія Прокопьевна, вторая Екатерина мученица! Послушай: азъ пришлю по тебѣ каптану свою царскую и со аргамаками своими, и пріидутъ многіе боляра и понесутъ тя на головахъ своихъ. Послушай, мати праведная! Азъ самъ, царь, кланяюсь главою моею: сотвори тако."

** Въ *Книгѣ вспять нашимъ горемыкамъ миленькимъ* Аввакумъ упоминаетъ „Акинфея съ сестрою Маврою." Нѣтъ сомнѣнія, что сестра Акинфея, при постриженіи приняла имя Маріи. *Сказаніе* передаетъ, что инокиня Марія, раздѣлявшая судьбу Морозовой и ея сестры, послѣ пытки, „по престатіи біенія, полотенцо водя по спинѣ своей, все смочила кровію и посла Іакинфу своему" (брату?). Въ *книгѣ на крестоборную ересь* Аввакумъ говоритъ, что съ Морозовою посажена была въ Боровскѣ „Даниловыхъ дворянская жена Марья Герасимовна."

Родіона, который навѣщалъ узницъ. Не одинъ разъ посѣтили ихъ наставница Меланія и Елена. Вѣсти объ этихъ посѣщеніяхъ дошли до Москвы. Присланъ былъ указъ разыскивать, кто и какъ ходилъ къ заключеннымъ. Панфила Боровитина спрашивали подъ пыткой, гдѣ скрывается Родіонъ и онъ „муку великую терпѣлъ, а не предалъ:“ Родіонъ въ то время сидѣлъ у него подъ поломъ.

Предчувствуя скорую кончину, Морозова написала Меланіи въ Москву: „Умилосердися посѣтить въ останошное.“ Послушница встрѣтила свою наставницу съ благоговѣніемъ и радостію; она называла ее „равноапостольною“ и сѣтовала, что та долго не посѣщала своихъ птенцовъ: „невозможно намъ безъ твоего благословенія жизнь свою добрѣ управить.“ Морозова держала Меланію за лѣвую руку, Урусова за правую: сестры со слезами слушали поученіе наставницы и часто цѣловали ея руки.

Прошла зима. На Ѳоминой недѣлѣ пріѣхалъ съ Москвы подъячій Павелъ. Онъ отобралъ у заключенныхъ малыя книжицы, иконы на малыхъ доскахъ, даже одежды, если ихъ было по двѣ. Потомъ разыскивалъ, кто приносилъ раскольницамъ все нужное, кто допускалъ къ нимъ приходящихъ. Сотникъ Александръ Созоновъ Медвѣдевскій, пропустившій къ сестрамъ Меланію, посланъ былъ солдатомъ въ Бѣлгородъ.

О Петровѣ днѣ присланъ въ Боровскъ для розыску подъячій Кузмищевъ. Юстина была сожжена въ срубѣ. Прежнюю земляную тюрьму разворили, выкопали новую, гораздо глубже, и посадили въ нее сестеръ. Настало лютое время для заключенныхъ. Всѣ сношенія съ старовѣрами были отрѣзаны. Душно было въ темной тюрьмѣ, безсонница мучила сестеръ, сидѣвшихъ въ грязи и смрадѣ. Пища была скудная: „дадутъ иногда сухариковъ пять-шесть, и больше не спрашивай; иногда яблочко одно или два, а иногда огурчиковъ малую чашку.“ Молитву приходилось говорить лежа или сидя; лѣстовки были отняты: боясь положить неполное число поклоновъ, сестры навязали изъ тряпицъ пятьдесятъ узловъ и употребляли ихъ вмѣсто четокъ. Евдокія продержалась въ новой тюрьмѣ только два съ половиною мѣсяца. Чувствуя приближеніе смерти, она просила сестру отпѣть ей отходную по закону христіанскому, „да не пребудемъ внѣ церковнаго преданія.“ Морозова отпѣла надъ стонавшею узницей канунъ и со слезами припала къ сестрѣ. 11 сентября 1675 года Евдокія умерла.

Послѣднимъ, и, безъ сомнѣнія, самымъ глубокимъ потрясеніемъ Морозовой думали воспользоваться, чтобы склонить ее къ соединенію съ россійскимъ соборомъ. Въ Боровскъ присланъ былъ для увѣщанія къ осиротѣвшей боярынѣ монахъ. Но судьба ея уже давно была опредѣлена.

Страданія многихъ лѣтъ, потеря тѣхъ которые связывали Морозову съ жизнію и приносили миръ въ ея озлобленную душу, внушили ей такой отвѣтъ царскому посланцу: „Когда я жила у себя дома во всякомъ покоѣ, и тогда не захотѣла предстать къ вамъ. Теперь ли хотятъ отлучить меня отъ добраго и краснаго владыки моего, Христа, когда я довольно подвиговъ вкусила за Него? Возлюбленную свою сестрицу единородную, союзницу и сострадальницу, я предпослала ко Владыкѣ; вскорѣ и сама отойду туда же.“

На мѣсто умершей къ Морозовой посадили инокиню Марію. Ѳедосья не долго пережила сестру. Одна мысль печалила ее предъ смертію. „Хочетъ меня Господь взять отъ этой жизни,“ говорила она: „не подобно тѣлу моему въ нечистотѣ одежды возлечь въ нѣдрахъ матери своей земли.“ Сторожъ исполнилъ послѣднее желаніе умирающей, вымылъ сорочку ея въ рѣкѣ. Морозова скончалась въ часъ ночи съ перваго на второе ноября. Тѣло ея завернули въ рогожу и зарыли въ острогѣ рядомъ съ сестрой.

Изложенный эпизодъ изъ исторіи русскаго раскола представляетъ въ довольно яркомъ свѣтѣ положеніе старой и новой партіи при царскомъ дворѣ въ XVII вѣкѣ. За старину печалуются передъ царемъ его сынъ, жена, * сестра, ближніе бояре, стрѣльцы, патріархъ; за старину борется невидимая, незнаемая народная масса. Можно себѣ представить, какія впечатлѣнія ложились на душу великаго Петра, подготовлявшагося къ исторической дѣятельности среди такой обстановки. Отца его, *тишайшаго* государя, не разъ покидала природная женственная мягкость характера. Что же долженъ былъ испытывать энергическій властитель, котораго молодость не была взлелѣяна тихими впечатлѣніями благочестиваго царскаго воспитанія, а возмущена открытымъ бунтомъ старовѣрства? Чтобы понять личность

* Аввакумъ разказываетъ, что въ то время, какъ его разстригали, „великое нестроеніе вверху у нихъ бысть съ царицею о покойницею: она *за насъ* стояла въ то время, миленькая, и отъ казни отпросила меня.“ *Житіе протопопа Аввакума*, стр. 76.

и реформу Петра, нужно пристально вглядѣться въ суровыя лица брадатыхъ поборниковъ русской старины, нужно вслушаться въ сильныя, подхваченныя стоустною толпой рѣчи ихъ о необходимости умирать за крестъ и молитву, за свою браду честную, нужно оцѣнить высокое историческое значеніе XVII вѣка для Россіи,—вѣка, пытавшаго тяжелою внутреннею борьбой силы русскаго народа и не даромъ представлявшагося современникамъ „антихристовымъ временемъ.“ Много жертвъ пало съ той и съ другой стороны. Исторія разсѣетъ взаимныя недоразумѣнія. Возможно-спокойное, свободное и безпристрастное изученіе минувшихъ судебъ русскаго старовѣрства должно не мало тому содѣйствовать.

Н. ТИХОНРАВОВЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Письма протопопа Аввакума.

I.

Протопопъ Аввакумъ, рабъ и посланникъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, по предъувѣденію званнымъ святымъ о Христѣ Іисусѣ, Ѳеодорѣ и Евдокіи, и Маріи: благодать вамъ, милость и миръ отъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа! Благословивый насъ всяцѣмъ благодуховнымъ въ небесныхъ о Христѣ Іисусѣ, якоже избра насъ и васъ прежде сложенія міра, быти намъ святымъ, непорочнымъ предъ Нимъ въ любви, по благоволенію хотѣнія Его. Сего ради и азъ вѣмъ вѣру вашу о Христѣ Іисусѣ и любовь, яже ко всѣмъ святымъ, страждущимъ благовѣрія ради. Непрестанно благодаримъ, съ братіею поминаніе о васъ творя въ молитвахъ нашихъ, да Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ славы, да дастъ вамъ духъ премудрости и откровенія въ познаніе Его просвѣщеннымъ очесамъ сердца вашего, яко увѣдати вамъ, что есть дѣйство воздушнаго князя, иже нынѣ дѣйствуетъ духъ въ сынахъ противленія, мерзкихъ враговъ, сущихъ отступникъ и цареви неправедну,

лукавнѣйшу, дѣйствующу, попущающу разорити матери нашея красоту святыя церкви. Чада же гнѣву, яко кони неистовніи, другъ друга предваряюще и лѣпоты ея уничтожающе, святые догматы отъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ преданныя низревающе и своя нововводныя коби многоразличныя въ церковь внесоша. Богъ же, богатъ сый въ милости, за премногую любовь свою, еюже возлюби насъ съ вами, и призва на дѣло сіе стояти противъ враговъ твердо и непоколебимо за упованіе вѣчныя жизни, закона ради, отъ Христа преданнаго и святыми утвержденнаго, яже научаютъ насъ и вразумляютъ старопечатныя при благовѣрныхъ царѣхъ московскія книги. Тѣмъ же убо къ тому нѣсть странніи и пришельцы, но сожители святымъ русскимъ и присніи Богу, создани есте по Христѣ страдати, о Немъ же всяко созданіе составляемо раститъ церковь святую Господеви, о Немъ же и вы созидаетеся въ жилище Божіе духомъ. Сего ради и азъ, протопопъ и юзникъ о Господѣ, молю вы, друговъ моихъ сердечныхъ, стойте прочее и не унывайте о житіи преждебывшемъ. Вѣмъ, другъ мой милой, Ѳеодосья Прокопьевна: жена ты была боярская, Глѣба Ивановича Морозова, вдова честная, въ верху чина царева близь царицы; дома твоего тебѣ служащихъ человѣкъ съ триста, у тебя же было крестьянъ 8.000, имѣнія въ дому твоемъ на 200.000 или на полтретья было. У тебя же всему сему наслѣдникъ сынъ, Иванъ Глѣбовичъ Морозовъ; друговъ и сродниковъ въ Москвѣ множество-много; ѣздила къ нимъ на колесницѣ, еже есть въ коретѣ драгой и устроенной мусіею и сребромъ и аргамаки многи 6 и 12 съ гремячими чѣпьми; за тобою же слугъ, рабовъ и рабынь, грядущихъ 100 или 200, а иногда человѣкъ и 300, оберегая честь твою и здоровье. Предъ ними же лѣпота лица твоего сіяла, яко древле во Израили святыя вдовы Іудифы, побѣдившія Навходоносорова князя Олоферна. И знаменита была въ Москвѣ предъ человѣки, яко древняя Девора во Израили, Есфирь, жена Артаксеркса. Молящу ти ся на молитвѣ Господу Богу, слезы отъ очей твоихъ, яко бисеріе драгое, схождаху; изъ глубины сердца твоего воздыханія утробу твою терзаху, яко облацы воздухъ возмущаху; глаголы же устъ твоихъ, яко каменіе драгое, удивительны предъ Богомъ и человѣки бываху. Персты же рукъ твоихъ тонкостны и дѣйственны великіи и меньшіи и средніи въ образъ трехъ ипостасей; указательныи же и великосердніи въ образъ двухъ естествъ божества и человѣчества Христова сложа, на чело возношаше, и на пупъ снося, на обѣ рамѣ полагаше и себя пометая на колѣну предъ образомъ Христовымъ, прося отпуста грѣховъ своихъ и всего міра, токмо на нищихъ и убогихъ призираютъ. Нозѣ же твои дивно ступаніе имѣютъ: до полуночи съ Анною, домочадицею своею, тайно бродишь по темницамъ и по богадѣльнямъ, милостыню отъ дома своегонося, деньги и ризы и потребная комуждо неимущему довольно, овому рубль, а иному десять, а индѣ пятьдесять руб-

левъ и мѣтокъ сотной. Напослѣдокъ же сына своего, Ивана, въ жертву правесе Богу, православія ради, еже есть: скончался скоро отрокъ отъ великія печали, егда отступники съ тобою разлучили. Ты же ни мало отъ подвига уклонися ни усумнѣся, но и паче простирашеся къ обличенію враговъ креста Христова и разорителей догматовъ святыя церкве. Они же тя, яко звѣріе дивіи, терзаху на пыткѣ: руцѣ твои и плоть рваху и сестру твою, княгиню Урусову, Евдокію Прокопьевну также мучили на пыткѣ и Марью Герасимовну, Акинфея Ивановича Данилова жену, съ вами же пытали и кнутомъ били. Приглашаху еретики, у пытки стоя: „Отверзитеся знаменія Христова и пять перстъ, отъ святыхъ преданныхъ, въ рукѣ не слагайте; но пріимите изволъ государевъ три перста и запечатайте себя антихристомъ, Богомъ нашимъ, мы же къ вамъ милостиви будемъ.“ Вы же, троица святая, Ѳеодосія, и Евдокія, и Марія умрети изволиша Христа ради и не послушаша духа противнаго: въ муки ввержени тѣлесемъ, и раны пріяша; таже чѣпьми оковани быша и во юзилищахъ мучени много времени быша; таже всѣхъ васъ и съ иными, страждущими Христа ради обще, живыхъ въ землю вкопали; а иніи отцы и братія наша огню предани быша. Молю вы о Господѣ, дѣтки мои духовныя, святы и истиннїи раби Христовы: Богъ есть съ нами, и никто же на ны! Кто можетъ насъ разлучити отъ любви Христовы? И самъ діаволъ не учинитъ ничево стоящимъ и держащимся за Христа крѣпцѣ. Что̀ воздамъ вамъ, земніи ангели, небесніи человѣцы? О святая Ѳеодосія и блаженная Евдокія и страстотерпица Марія, мученицы и исповѣдницы Христовы, дѣлателіе винограда Христова! вертоградъ Эдемскій васъ именую и Ноевъ славный ковчегъ, стоящь на горахъ Араратскихъ, свѣтліи и добліи мученицы, столпи непоколебимїи! О каменіе драгое—акинфъ, и измарагдъ, и асписъ! О трисіятельное солнце и немерцающія звѣзды! Кто не удивится и кто не прославитъ терпѣніе и мужество ваше противу козней враговъ и разорителей церковныхъ? Не стѣни разоряютъ, но законы: не токмо осуждени будутъ въ вѣкъ грядущій Жиды, иже Господа убиша, плоть Его терзавше, на крестѣ пригвоздивше, оцтомъ и желчею напоиша и копіемъ въ ребра прободше, апостоловъ побивше и Богу не угодивше, яко же Никоніяне жертву духовную опровергоша и Духа Святаго глаголютъ не истинна быти, но просто животворяща, и вся церковная Духомъ Святымъ преданная отмещутъ и злѣ развращаютъ, на плотское мудрованіе сводятъ. Кольми суть паче Жидовъ осудятся, понеже невидимаго Бога борютъ: тамо видимую плоть терзаху, здѣ же невидимый Духъ Святый воюютъ, ихъ же грѣхи и мученическая кровь загладити не можетъ. Такъ Златоустый пишетъ на посланіе апостольское въ бесѣдахъ, въ нравоученіи обличая схизматики, еже есть раздирающія церковь, якоже, нынѣ видимъ, творятъ Никоніяне: вся, Богомъ преданная и святыми, отмещутъ, да говорятъ сами, ді-

яволомъ научени: „Какъ бы ни будь, лише бы не по старому.“ Охъ собаки! что вамъ старина-та помѣшала? Развѣ то тяжко, что бл..ить не велятъ старыя святыя книги? Бл..и, собака! Бл..и, отступникъ, бабъ-уніятокъ, а не замай старыхъ, святыхъ, непорочныхъ книгъ пречистыхъ. Отраднѣе тебѣ на судѣ будетъ, нежели, уничижая Духъ Святый, погибаешь. Какъ не бѣда содѣяся въ земли нашей? Всѣхъ еретиковъ отъ вѣка ереси собрали въ новыя книги: духу лукавому напечатали молиться; въ томъ же крещеніи сатаны не отрицаются и около купели противъ солнца со образы и крыжами ходятъ; а въ тріодѣхъ напечатана тайная злая ересь сице: „Аще кто речетъ, яко ты еси единъ Богъ, творяй чудеса, *внутрь трижды*; а аще кто исповѣстъ Христа, Сына единосущна Отцу, *внѣ трижды*.“ Видите ли, какая бѣда! Явно рѣжутъ Сына Божія, свѣта; не единосущна Отцу глаголютъ: а аще не единосущенъ Отцу, ино не Богъ, по Арію тварь, коли иного существа мудрствуете, воры, бл..ины дѣти! А въ *Скрижали* напечатано, въ Антіоховыхъ вопросахъ сице: „Умно слышимъ, да не прельщаемся сугуба быти Христа, глаголю: изъ божества и человѣчества; но *Слово* бо Его *плоть бысть*.“ Вотъ смотрите, добрые люди: по ихъ, коли не сугубъ Христосъ, ино едино естество имѣлъ! Скажитко, кое: плоть ли, нагу божества, или божество, кромѣ плоти, не истинно вочеловѣчився? Скажитко, Никоніянинъ, скажи: какъ не сугубъ? Богоборцы, воры, бл...ны дѣти! Ано сугубъ естествомъ, а не составомъ; два естества, Богъ и человѣкъ, неслитно въ единомъ составѣ. Слыши, враже всякоя правды и всякоя истины: яко же бо человѣкъ—душа и тѣло единъ человѣкъ, тако Богъ и человѣкъ единъ Христосъ: два естества во единомъ составѣ. Такъ Аѳанасій великій научаетъ. Да гдѣ блудня то ваша переговорить! Не подобаетъ съ вами поганцами намъ вѣрнымъ и говорить много: кое сообщеніе свѣту ко тьмѣ, и кая часть вѣрному съ невѣрнымъ? Кое общеніе Христу съ Веліаромъ и церкви Божіей со идолы? Такъ то и намъ съ вами, съ проклятыми отъ святыхъ отецъ седми соборовъ и отъ русскихъ чудотворцевъ. А что вы насъ клянете со діяволомъ своимъ, и мы тому смѣемся. И робенокъ разсмѣется вашему безумію! Коли насъ за старину святую проклинать, ино и отецъ вамъ и матерей подобаетъ своихъ проклинати, въ нашей вѣрѣ измершихъ. Увы! затмилъ діяволъ. Нечево много говорить. Ну, госпожи мои, свѣты! запечатлѣемъ мы кровію своею нашу православную христіанскую вѣру со Христомъ Богомъ нашимъ, Ему же слава во вѣки аминь

II.

Не облѣнюся и еще припомянуть подвиги и труды твоя, блаженная Ѳеодосія: самовидецъ бо есмь внѣшнимъ и внутреннимъ твоимъ плодамъ. Подобно бо еси царю Ѳеодосію, управляющему добрѣ царскія: порфиру и багряницу ношаше, внутрь же власяницу подъ одѣяніемъ царскимъ; ѣздящу ему на колесницѣ царствѣй, и въ то время книги своима рукама писаше и труды рукъ своихъ нищимъ вручаше и пищу, себѣ нужную, отъ рукодѣлія своего строя, мниховъ же и нищихъ зѣло любляше и правилу и посту прилежа и колѣнному преклоненію и прочая творя, еже что̀ смиренію прилична. Тако и твоя труды быша: постящу ти ся и молитву дѣющи неотложно, и власяницу подъ одѣяніемъ ношаше на срачицѣ, устроена отъ скота власовъ бѣлыхъ, кратко рукава. И нѣкогда печаловашеся о томъ, яко познала на тебѣ сноха твоя, Борисова жена, Морозова, Анна Ильинична. Азъ же разсудилъ о томъ, яко не хотѣніемъ такъ сотворилось. Богъ проститъ! Ты же по правилѣ и чтеніи книжномъ, разсуждая домочадцовъ и деревенскія христіанскія нужды, безъ покоя дни часу до девятаго и больши печашеся о исправленіи христіанскомъ: иныхъ жезломъ наказуя, а иныхъ любовію и милостію на дѣло Господне привлачая. Иногда же руцѣ твои прясницѣ касахуся и прядущу ти нити, и тѣми нитьми рубахъ нашивше своими руками и, по вышереченному, съ Анною Аммосовною въ вечеру, одѣвшися въ худыя рубы, по улицамъ и по стогнамъ града нищимъ ходя раздѣляше. А иныхъ въ дому своемъ гнойныхъ держаше — Ѳеодота Стефановича и протчихъ: имъ своима рукама служаше, язвы гнойныя измываше и въ уста ихъ пищу влагаше; еще же юродивымъ Христа ради домъ твой отверстъ бяше: и нищимъ, и сиротамъ невозбранно было въ ложницахъ твоихъ витати, и съ ними ядяше изъ единаго сосуда. И бывшу ти вверху у царицы или сестръ, правило церковное и келейное никогда же остави. Аще и зѣло утомишься, а праздно не покоснишися, на бесѣдахъ Никоніянъ мужеска полу и женска безпрестанно обличая и потязая отъ пути истиннаго заблудившихъ и ходившихъ во слѣдъ прелести никоніянской: вездѣ имъ являшеся, яко левъ лисицамъ. И просто рещи: быхъ всѣмъ вся, да вся пріобрящеши. Но и надъ всѣми же сими Христа ради умрети за святую церковь изволи. Блаженна ты въ женахъ и треблаженна въ нынѣшнемъ родѣ; кто тебѣ равенъ и точенъ, невѣмъ: Богъ вѣсть. Не облѣнимся Господа ради и до смерти; и меня не забывай въ молитвахъ: какъ намъ не умереть за Владыку нашего, свѣта? Слышала ли еси, какъ собаки Никоніяне бл . . ословятъ, глаголя, яко не сугубъ Христосъ

бысть? Вотъ новые единовольники родилися. Аѳанасій глаголетъ: „Яко же бо душа человѣческая и плоть — единъ есть человѣкъ, такъ и Богъ и человѣкъ единъ есть Христосъ: не премѣненіемъ божества въ плоть, но воспріятіемъ человѣчества въ божество, не сліяніемъ естествъ, но единствомъ состава.“ Такъ, свѣтъ, вѣруй и умри. Богу нашему слава нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь. Мелко писано, бумажки нѣтъ.

III.

Увы! измолче гортань мой, исчезосте очи мои! Благоволи, Господи, избавити мя! Господи! помощи ми потщися, скоро да предварятъ ны щедроты Твоя, Господи, яко обнищахомъ зѣло! Помози намъ, Боже, Спасителю нашъ! Свѣтъ моя, государыня моя! Еще ли ты дышешь, или сожгли, или удавили тебя? Не вѣмъ и не слышу. Не вѣдаю, жива; не вѣдаю, сконча ли чадо церковное? Чадо мое драгое, Ѳеодосья Прокопьевна! провѣщай мнѣ, старцу грѣшну, единъ глаголъ: жива ли ты? Увы, Ѳеодосія! Увы, Евдокія! два супруга нераспряженная, двѣ ластовицы сладкоглаголивыя, двѣ маслины и два свѣщника, предъ Богомъ на земли стояще! Во истину подобни есте Еноху и Иліи, женскую немощь отложивше и мужескую мудрость воспріявше, діявола побѣдиша и мучителей посрамиша, вопіюще и глаголюще: „Пріидите, тѣлеса наша мечи ссѣцыте и огнемъ сожгите, мы бо, радуяся, идемъ къ жениху своему, Христу.“ О свѣтила великія, солнце и луна Русскія земли, Ѳеодосія и Евдокія и чада ваша, яко звѣзды сіяющія предъ Господемъ Богомъ! О двѣ зари, освѣщающія весь міръ на поднебесней! Во истину красота есте церкви и сіяніе присносущныя славы Господни по благодати, вы, забрала церковная и стражи дома Господня, возбраняет волкомъ входъ во святая. Вы два пастыря: пасете овчее стадо Христово на пажитѣхъ духовныхъ, ограждающе всѣхъ молитвами своими отъ волковъ, губящихъ вы, — руководство заблудшимъ въ райскія двери и вшедшимъ древа животнаго наслажденіе. Вы похвала мученикомъ и радость праведнымъ и святителемъ веселіе. Вы ангеломъ собесѣдницы и всѣмъ святымъ сопричастницы и преподобнымъ украшеніе. Вы и моей дряхлости жезлъ, и подпора, и крѣпость, и утвержению ц, — что̀ много говорю? — всѣмъ вся бысте ко исправленію и утвержденію во Христа Іисуса. Какъ васъ нареку? Вертоградъ эдемскій именую и Ноевъ славный ковчегъ, спасшій міръ отъ потопленія. Древле говаривалъ и нынѣ тоже говорю: Кіотъ священія, скрижали завѣта, жезлъ Ааронов прозябшій, два херувима одушевленная. Не вѣдаю какъ назвать. Языкъ мой коротокъ, не досяжетъ вашея доброты и красоты; умъ мой не обыметъ подвига вашего и страданія. Подумаю, да лише руками возмахну! Какъ такъ государыни

изволили съ такія высокія степени ступить и въ безчестіе вринутися? Во истину подобни Сыну Божію: отъ небесъ ступилъ, въ нищету нашу облечеся и волею пострадалъ. Тому жь и здѣ прилично. О васъ мнѣ разсудить не дивно: яко 20 лѣтъ и единое лѣто мучатъ мя. На се бо званъ есмь, да отрясу бремя грѣховное. А се человѣкъ нищей, непородной и неразумной, отъ человѣкъ беззаступной, одѣяніе и злата и сребра не имѣю, священническа рода, протопопъ чиномъ, скорбей и печалей преисполненъ предъ Господемъ Богомъ. Но чудно и пречудно о вашей честности помысли родъ вашъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, сему царю былъ дядька, и пѣстунъ, и кормилецъ, болѣлъ объ немъ и скорбѣлъ паче души своей день и нощь, покоя не имуще. Онъ сопротивъ того племянника его роднаго, Ивана Глѣбовича, опалою и гнѣвомъ смерти напрасной предалъ, твоего сына и моего свѣта. Увы, чадо драгое! Увы, мой свѣте, утроба наша возлюбленная, твой сынъ плотской, а мой духовной! Яко трава посѣчена бысть, яко лоза виноградная съ плодомъ къ землѣ преклонился и отъиде въ вѣчная блаженства со ангелы ликоствовати и съ лики праведныхъ предстоитъ святѣй Троицѣ. Уже къ тому не печется о суетной многострастной плоти и тебѣ уже некого чотками стегать и не на кого поглядѣть, какъ на лошадкѣ поѣдетъ, и по головкѣ неково погладить. Помнишь ли, какъ бывало, миленькой мой государь, въ послѣднее увидѣлся съ нимъ, егда причастилъ его? Да пускай! Богу надобно такъ, и ты не больно о немъ кручинься. Хорошо, право, Христосъ изволилъ. Явно разумѣемъ, яко царствію небесному достоинъ. Хотя бы и всѣхъ насъ побралъ, гораздо бы изрядно: съ Ѳеодоромъ тамъ себѣ у Христа ликоствуютъ. Сподобилъ ихъ Богъ, а мы еще не вѣмы, какъ до берега доберемся. Поминаешь ли Ѳеодора? Не сердитуешь ли на него? Поминай Бога для, не сердитуй: онъ не больно предъ вами виноватъ былъ. Обо всемъ мнѣ предъ смертію покойникъ писалъ: „Стала-де ты скупа быть, не стала милостыни творить, и имъ на дорогу ничего не дала.“ И съ Москвы отъ твоей изгони съѣхалъ и кое-что сказывалъ. Да уже Богъ васъ проститъ, нечево старова поминать. Меня не слушала, какъ говорилъ, а послѣ пеняешь мнѣ. Да что на тебя дивить? У бабы волосы долги, а умъ коротокъ. Прости же меня, а тебя Богъ проститъ во всемъ. Мучьтеся за Христа хорошенько, не оглядывайся назадъ, спаси Богъ. Денегъ ты женѣ моей и кое-что послала, да мужикъ ничево не отдалъ, ни полушки, передъ нимъ, пускай его. Не до денегъ намъ нынѣ. У тебя и больши нашего заводовъ было, да отняли же Да добро такъ. Благодарите же Бога. миленькіе свѣты мои, не стужите о бездѣлицахъ вѣка сего. И тово полно: побоярила, надобѣ попасть въ небесное боярство. Миръ тебѣ, Евдокіи и Ѳеодорѣ и всѣмъ благословеніе. Заплатите же сему за труды принесшему. Многогрѣшный инокъ Епифаній, пустынникъ честныя обители Соловецкія, въ темницѣ, яко во гробѣ,

сѣдя, Бога моля, благословенія приписалъ. О свѣты мои, новыя исповѣдницы Христовы, потерпимъ мало, да великая воспріимемъ. Господь грядетъ грѣшники мучити, праведники же спасти: плачемся и воздыхаемъ и пріимемъ чувство онаго дне, въ онь же безвѣстная и тайная открывый человѣкомъ отдастъ по достоянію! Страшенъ Судія пріидетъ, и кто противъ станетъ Его? Не облѣнимся потрудитися въ нынѣшнемъ вѣцѣ, предваримъ и восплачемся прежде суда онаго, егда небеса погибнутъ и звѣзды спадутъ, и вся земля поколебается, да милостиво обрящемъ Бога нашего. Свѣтъ моя государыня! люблю я правило нощное и старое пѣніе. А буде облѣнишься на нощное правило, тотъ день окаянной плоти и ѣсть не давай: не игрушка душа, что плотскимъ покоемъ ее подавлять. Да переставай ты и медокъ попивать; намъ иногда случается и воды въ честь, да живемъ же. Али ты насъ тѣмъ лутчи, что боярыня? Да единако намъ Богъ распростре небо, еще же луна и солнце всѣмъ сіяютъ, такожде же и вся прозябающая по повелѣнію владычню служатъ тебѣ не больши и мнѣ не меньши; а честь прелетаетъ. Единъ честенъ тотъ кто ночью возстаетъ на молитву, да медокъ перестанетъ, въ квасъ примѣшивая, пить. Еще ли, государыня, браниться? Мнѣ мнится, облѣнилася ты на ночную молитву, того ради тебѣ такъ говорю съ веселіемъ. Евангеліе воспоминаю: *Егда поносятъ вамъ и изженутъ вы, возрадуйтеся въ той день и взыграйте, се бо мзда ваша многа на небесѣхъ.* Аще и радостію тебѣ глаголю, не радуйтеся о глаголѣхъ сихъ. Дніе наши не радости, но плача суть. Воспомяни егда ты родилася, не взыграла, но заплакала, отъ утробы изшедъ матерни. И всякой младенецъ такъ творитъ, прознаменуя плачевное сіе житіе, яко дніе плача суть, а не праздника. Яко же мнѣ грѣшнику на земли и праздника нѣсть, развѣе святымъ и праведнымъ кои веселятся законы Божіими и заповѣди Его соблюдающе. Тако и ты, государыня, плачи суетнаго житія своего и грѣховъ своихъ, понеже призвалъ тя Богъ въ домовое строеніе и разсужденіе; но и возвеселися, егда, въ нощи, возставъ совершити 300 поклоновъ и семьсотъ молитвъ, веселіемъ и радости духовныя и меня грѣшнаго помяни тутъ, надежда моя къ Богу, и жену мою и дѣти мои. Еще же реку ти: егда молишися, вниди въ клѣть свою, затвори двери своя, сирѣчь: всѣ помыслы злые отринь и единому Богу гори душею, воздохни со восклицаніемъ и рцы: „Господи! согрѣшила окаянная, прости, нѣсть достойна нарещися дщерь твоя, сотвори мя яко едину отъ наемницъ твоихъ.“ Еще же глаголю: аще и вси добродѣтели сотворишь, рцы душѣ своей: „Ничто же благо сотворихъ, ниже начахъ добро творити.“ Нощію возставай; не людемъ приказуй будить, но сама воспряни отъ сна безъ лѣности и припади и поклонися сотворшему тя. А въ вечеру мѣру помни сидѣть; поклоны егда метаніе на колѣну твориши, тогда главу въ прямь держи; егда же великій прилучится, тогда главою до

земли; а нощію триста метаній на колѣну твори. Егда совершиши сто молитвъ, стоя, тогда *слава и нынѣ, аллилуія*, и тутъ три поклоны великіе бываютъ; тако жь и на *достойнѣ* всегда поклонъ великій на святую пасху и во всю пятидесятницу, и нощію въ поясъ и во всякую субботу, и недѣлю, и въ праздники въ поясъ; развѣ въ великую субботу противъ великаго дни, то метаніе на колѣну. Блюдися ты, государыня, лестцовъ, черцовъ, и поповъ, и черницъ, еже бы не развратили душу твою, и всѣхъ злыхъ человѣкъ уклоняйся, съ добрыми бесѣдуй и не презирай живова мертвеца.